Игрок

Автор:
Александра Лисина

Игрок

Александра Лисина

Игрок #1

Порой так хочется вырваться из привычного мира, где осточертело абсолютно все: беспросветная учеба, опостылевшая работа, совершенно одинаковые и бессмысленные будни… иногда до безумия хочется плюнуть на все и куда-нибудь исчезнуть. В пустоту. В другую реальность. Да куда угодно! Иногда кажется, все на свете отдашь за один-единственный шанс! Но вот шанс, наконец, приходит и… что?

Александра Лисина

Игрок

Пролог

Не оглядывайся на прошлое, решив ступить за порог Вечности.

Совет мудреца

Признаться, жизнь перестала удивлять меня уже давно. Точнее сказать, надоела хуже горькой редьки. Своим однообразием, бесконечной чередой совершенно

бессмысленных и абсолютно одинаковых дней, в которые почти ничего не происходит, хотя постоянно чувствуешь себя так, словно ты обессилевшая муха, намертво влипшая в паутину.

Поверьте, я – не скучный человек. За свои неполные двадцать пять мне довелось немало попробовать и повидать, потому что с самого детства я неизменно совала нос во все события, которые только мог предложить наш небольшой городок. Сколько себя помню, мне все время надо было куда-то бежать, кого-то выспрашивать, что-то делать, менять, переделывать, улучшать… почему-то мой мир не умещался за огороженным забором участка в десять соток. А бесценные кладовые знаний никогда не помещались в те жалкие сундучки, которые пытались приоткрыть для нас сельские учителя.

Пожалуй, школа стала первым фактором, который всерьез поколебал мою уверенность в правильности собственных устремлений. Это не делай, так не говори, туда не смотри, девочкам такое знать не положено… везде – рамки, рамки и рамки. В которых все давным-давно предопределено, застолблено, огорожено, расписано и хорошо известно. Положение не спасали даже курсы юного медика, школьный кружок рисования, дополнительные уроки пения, специально нанятый преподаватель по бальным танцам. Потом было плавание, рукопашный бой, секция акробатики, ажурного плетения, модельного конструирования, вышивания, легкой атлетики, академической гребли, исторический кружок… да всего и не упомнишь. Достаточно сказать, что за несколько лет я перепробовала все на свете, чтобы отыскать то, что было бы мне действительно интересно.

Причем какое-то время новое занятие вызывало искреннее желание его полностью освоить и немедленно испробовать. Но потом что-то… ломалось, что ли? Не знаю. Куда-то исчезал недавний интерес. Напрочь отшибало желание продолжать, и грустный мамин голос раз за разом повторял: «А ведь у тебя могло бы получиться»…

Еще через несколько лет пришла пора поступать в универ. Сперва я поступила на факультет экологии (а как же – модная, важная и нужная всему миру профессия!), но потом неожиданно передумала и перевелась на экономический. А на второй год передумала снова и, бросив все на полпути, решила стать программистом. Ведь новые технологии – это должно быть интересно даже такой непоседе, как я. Много новых открытий, встреч, событий; увлекательные поиски в Интернете…

К сожалению, и тут мои ожидания не оправдались, хотя доучиться все же пришлось. Я благополучно получила диплом, попутно ища свою стезю в журналистике, юриспруденции, фармации, спорте, хореографии, дайвинге… я действительно испробовала почти все, до чего могла дотянуться. Только от наркотиков и тяжелого рока сумела увернуться. Но лишь потому, что еще в детстве крепко усвоила, что не надо совать в рот всякие незнакомые травки – от них потом животик болит, а чуть позже услышала по телику от одного солидного дядьки в белом халате, что постоянное давление тяжелой музыки на неокрепшую детскую психику плохо сказывается на умственной деятельности.

Об учебе, пожалуй, рассказывать не буду – скучно. Про поиски работы тоже деликатно умолчу. Одно лишь скажу: нашла, но постоянно мучилась все теми же сомнениями. Бросить работу не могла: деньги ведь нужны. Но не оставила попыток найти то, что помогло бы мне почувствовать себя цельной.

Вы, конечно, спросите: зачем такие мучения? Для чего столько сложностей, когда на самом деле все невероятно просто?

И я отвечу. Чуть позже. Но сначала все-таки спрошу сама: скажите, разве у вас не бывало чувства, что все в вашей жизни унизительно распланировано? Не возникало ощущения отстраненности от настоящего и того, что вы как бы лишние в этой жизни? Плывете по течению, но на самом деле ничего в ней не решаете? А все, что вы делаете и чего достигли, в действительности – не ваша заслуга?

Разве не бывало с вами чего-то подобного?

И если да, то неужели у вас ни разу в жизни не появлялось желания плюнуть на все и куда-нибудь уйти? На час, на день, на целую вечность? Хотя бы на мгновение оказаться вне замкнутой системы, в которую всех нас поместила Жизнь? Избавиться от повседневной суеты, задуматься о собственном будущем и попытаться что-нибудь изменить? Сделать что-то, что еще не было предусмотрено? Чего никто от вас не ждет и что вы сможете с уверенностью обозначить как ваше собственное решение? Пускай не самое умное и замечательное, но именно ВАШЕ?

Если так, то вы меня поймете. И не удивитесь, почему меня на протяжении многих лет терзал один мучительный вопрос: когда я проживу эту жизнь до конца… хорошо или плохо, самостоятельно или нет, в счастливом браке или же тоскливом одиночестве… что будет дальше? Там, за гранью? Что случится со мной ПОТОМ? Я дождусь наконец перерождения, уйду в небытие или так и останусь висеть непонятно где туманным облачком полузабытых фантазий? Может, от меня больше ничего не останется, кроме быстро тускнеющих воспоминаний? Но тогда есть ли вообще смысл к чему-то стремиться? Есть ли за что бороться – нам, смертным?

Честное слово, я бы очень хотела это узнать. Вернее, именно сейчас у меня появилась реальная возможность это выяснить.

Я медленно подошла к краю крыши и с возросшим любопытством уставилась на далекие домики внизу.

К счастью, район здесь довольно старый, народу на улицах немного, так что никто мне не помешает. Вернее, мне уже ничто не способно помешать. Но, боже… как же тут хорошо! И как восхитительно пахнет ничем не скованная свобода, от которой уже кружится голова! Как легко дышится над повисшим в городе смогом и низким бетонным парапетом, за которым больше не останется никаких ограничений. Только я и небо… странно, никогда раньше не думала, что небо может быть так близко. Кажется, только руку протяни, и оно послушно ляжет в ладони.

Наверное, именно этого мне так не хватало – свободы? И об этом я всегда мечтала?

– Галка, давай! – вдруг с нетерпением зашипели мне в спину.

Я понимающе улыбнулась и, в последний раз оглядев притихший двор, прокрутила в голове подробные инструкции. А потом некстати подумала о том, что ветер сегодня довольно сильный, и если меня снесет на гаражи, то приземление будет не слишком-то приятным. И тогда: здравствуй, Вечность, можно я тебя о чем-то спрошу?..

– Галка!

Я тихо вздохнула и, затолкав неуместные сомнения поглубже, решительно оттолкнулась от парапета.

Секунда… другая… жутковатый полет в никуда, сопровождаемый отчаянным грохотом бешено колотящегося сердца. Рывок от налетевшего, как по заказу, сильного ветра. Еще один рывок. На этот раз – за торчащее из рюкзака спасительное колечко. Внезапный хлопок от проворно расправившейся «медузы»[1 - «Медуза» (сленг) – вытяжной парашют.], потянувшей за собой основной парашют, третий мощный рывок, от которого меня мотнуло в сторону…

Однако страшно не было. Совсем. Таково уж свойство моей натуры – я практически не умею бояться. Скорее в этот момент во мне проснулся совершенно необъяснимый восторг по поводу открывшейся внизу панорамы. Захватывающее дух ощущение бесконечной свободы и искреннее желание никогда больше не возвращаться на эту землю, потому что ничего иного, кроме неба, как оказалось, мне в этой жизни не надо.

Невероятно…

Страх не появился даже тогда, когда прямо перед носом промелькнула и запуталась в стропах суматошно каркнувшая ворона. Когда белоснежный парашют резко качнулся в сторону, зацепил линии электропередачи и, словно подпаленная бумага, скукожился в тонкую изорванную трубочку.

Страх не пришел, когда снизу с угрожающей скоростью надвинулись проклятые металлические гаражи. И не высунул наружу носа даже тогда, когда каким-то чудом выпутавшаяся птица с хриплым клекотом вырвалась на свободу. А затем мохнатым клубком рухнула мне на голову, избавив от ужасающе великолепного зрелища быстро приближающейся земли.

«Так что же будет дальше?» – только и успела подумать я. А потом все-таки закрыла глаза и тихо вздохнула, остро сожалея лишь об одном: до чего же нелепо умирать вот так, ничего не выяснив и не поняв. Но, кажется, дурная ворона не даст мне досмотреть этот увлекательный финал до конца…

Отступление 1

Неизвестно где и неизвестно когда

– Здравствуй, брат. – Ровный рокочущий голос разрезает безмолвное пространство, как ножом. – Ты, как всегда, не торопишься.

– Зачем звал? – отзывается ему из пустоты, как из могильного склепа, чей-то смертельно усталый баритон. Довольно молодой, но полный странного безразличия, если не сказать – абсолютнейшего равнодушия. – Кажется, мы все с тобой решили?

– Я не за этим. Не злись.

– Не злюсь: давно забыл, как это делается. Зачем ты меня потревожил?

– Хочу предложить новую Игру.

– Опять? – невидимый собеседник явно морщится. – Тебе не кажется, что это бесполезно?

Грохочущий бас издает странный смешок.

– Хочешь сказать, ты сдался?

– Нет. Но я устал от неудач. Ты зря надеешься, что новая Игра что-то изменит.

– На этот раз все будет по-другому.

– Ты говорил так в прошлую Игру. – У молодого, кажется, нет ни малейшего желания спорить. – И в позапрошлую тоже. Я слышу это от тебя уже который век.

– Теперь все изменится, – отчего-то упорствует бас. – Я нашел третьего Игрока.

– Неужели? – В голосе молодого впервые слышится легкая насмешка. – И кто теперь? Воин? Монах? Певец? Ребенок? Если ты помнишь, мы уже все

испробовали, а результат все равно один.

– У тебя короткая память, брат.

– Тот раз не считается: ты выиграл случайно, – слегка оживляется молодой. – К тому же тот Игрок был единственным, кто смог пройти до конца. Но недолго там продержался.

– Его наследие до сих пор живо, – сухо напоминает бас. – Даже твоим марионеткам не удается стереть его с лица земли.

– Ну-ну. Сомнительное наследие, которое не нужно даже тебе.

– Ты закончил? – еще суше осведомляется бас. – Будешь слушать дальше или я возвращаюсь к себе?

Молодой на мгновение задумывается.

– Хорошо, говори.

– Я предлагаю слегка изменить Правила, – неожиданно заявляет бас и издает странный хрипловатый смешок. – Пусть на этот раз Игрок справляется сам. Никакой помощи, никаких подсказок, советов или намеков. Он идет совершенно один. С успехом или нет. Влиять на него не будем ни ты, ни я.

– А ты удержишься? – с нескрываемым ехидством осведомляется молодой и слышит в ответ недовольный рык. – Хорошо, хорошо… верю. Вернее, я тебе поверю, если услышу причину такого решения.

– Игрок непростой, – неохотно признается бас, снова возвращая себе человеческий голос. – У нас такого еще не было, поэтому и хочу попытаться.

– Что значит «непростой»?

– Увидишь, – уклончиво отвечает бас, словно не замечая проснувшегося интереса собеседника. – Раньше мы искали только силу. Потом стали искать силу и мудрость. Затем пытались использовать юность, но и это ничего не дало.

Теперь Игрок будет иным. Совсем, надо сказать, иным. Он не знает о Правилах и об Игре. Вообще.

– Обман? – вдруг нахмуривается молодой, и от этого в пустоте проскальзывают опасные огненные искры, а где-то неподалеку гремит беззвучный гром.

Бас несколько отдаляется, словно не желая с ним сталкиваться, но потом спешит пояснить:

– Нет. Воля случая. Без нашего с тобой вмешательства. Только Игрок и его Путь. Возможно, это и есть выход?

– Не знаю… возможно…

– Так что ты решил? – с нетерпением спрашивает бас, напряженно ожидая ответа.

– Я устал держать на плечах небосвод, – вздыхает молодой. – И устал хранить за НЕГО Равновесие. С таким помощником, как ты… хорошо, приводи своего Игрока. Но если нарушишь Правила…

– Я помню: ты меня сразу испепелишь. И останешься держать небо еще одну вечность. Только теперь – в полном одиночестве, – довольно рыкает бас и с нескрываемым торжеством добавляет: – Скоро, брат, ты избавишься от своей ноши. Вот увидишь, это будет интересная Игра.

– До встречи, – с легко угадываемой улыбкой отдаляется молодой, и пространство опять замирает в тревожном ожидании.

Глава 1

Забавное это дело – умирать, доложу я вам. Не страшное, не ужасное, не жуткое, а именно забавное. А что? Лечу себе куда-то, лечу, парю в кромешной тьме, как амеба в океане. Балдею на невидимых волнах бесконечного покоя, а куда и зачем перемещаюсь – непонятно. Но зато никто не зудит над ухом,

никто не гаркнет, чего это я тут вытворяю. Никому до меня нет, наконец, дела… красота-а-а. Хотя царящая вокруг тишина, если честно, малость угнетает. Да и темно тут. Ни зги не видно. Только вдалеке что-то слабо поблескивает, но мне туда отчего-то не хочется лететь. Впрочем, если бы и захотелось вдруг изменить направление, то я понятия не имею, как это делается.

Странно. Мне почему-то совсем не больно, хотя, казалось бы, поломанные кости должны немилосердно ныть, доказывая хозяйке, что она бессовестная, безрассудная, безалаберная особа, которой в этой жизни делать больше нечего было, кроме как сигать с непроверенным парашютом с двадцатиэтажного дома. А тут – ни косточка не вякнет, ни сердце не дрогнет, ни шкура не зачешется. Словно я – и не я вовсе, а нечто аморфное, у которого даже тела-то своего не осталось.

С одной стороны, оно, конечно, и неплохо. По крайней мере, я могу думать о более важных вещах. Но вот вопрос: умерла я или нет? А если да, то куда меня занесло? Жаль, что оглядеться толком не получается – голова не ворочается… если, конечно, я ее еще не потеряла.

Забавное же во всем этом другое: всего минуту назад я так стремилась узнать, что же будет ТАМ, за гранью, искала ответы, старательно совала свой нос везде, куда не следует… и вот, наконец, узнала, увидела, прочувствовала… и опять разочарована! Представляете?!

Я попыталась посмотреть, где именно нахожусь, но снова не смогла: темно. Да что ж такое-то? Ненавижу быть беспомощной. И вообще: а где красивый золотой тоннель? Где яркий свет, на который мне следовало бы лететь? Где ангелы с крылышками, я вас спрашиваю? Елки зеленые, да я бы даже рогатым чертям сейчас обрадовалась, если бы они выскочили вдруг из темноты и замахали своими трезубцами! Заулыбалась бы им и руками радостно замахала: дескать, привет, ребята, заберите меня скорее отсюда! Потому что никак нельзя терпеть это отвратительное неведение, в котором ничегошеньки не происходит и в котором я только и знаю, что все еще… вроде бы… ну, хоть как-то… получается, живу. Вернее, пока я еще только мыслю, но это, по выражению одного древнего умника, все же значит, что я по-прежнему существую.

Ну, наконец-то!

Мгновенная вспышка ослепительного света вызвала во мне целую бурю положительных эмоций. То, что темно, я как-нибудь стерплю – никогда темноты не боялась, но вот угнетающее молчание, в котором даже крикнуть не получается, это уже слишком. Надеюсь, мой полет закончится чем-нибудь конкретным? И меня не распылит на мелкие атомы прямо тут, в этой унылой глуши?

Э-эй! Меня кто-нибудь слышит?! Вытащите меня отсюда-а-а!

А в ответ – беззвучный гром.

Удар по содрогнувшемуся в тревоге пространству.

Новая вспышка. Затем – мощный толчок в спину и подозрительное ощущение, что меня самым некрасивым образом вышвыривают из уютного лона Вечности. Не понравилась я ей, что ли? Или не надо было орать, хоть и мысленно, но во весь голос? Вдруг тут все мысли звучат, как истошный вопль в длинном тоннеле? Или у кого-то на мой счет возникли иные планы? Где тут Бог? Или кто за него? Ау! Ответьте! Меня кто-нибудь слышит?!

И вдруг – еще одна вспышка. Уже третья по счету. Больно режущий глаза свет. За ним – непонятный нарастающий свист, от которого хочется поморщиться и поспешно зажать руками уши. Но почему-то не выходит – мои руки, видимо, где-то потерялись, совсем их не чувствую. Впрочем, есть ли я вообще или это только кажется?

Ой, есть… бедная моя пятая точка…

Меня с силой пихнули в спину, безнравственно уронив в какую-то черную дыру. Причем невежливо так пихнули, наверное, даже ногой, никак после этого не извинившись. Гады! Как есть гады! Или всего один гад, но ужасно сильный и крайне невоспитанный! Это ж надо… бедную девушку… растерянную, запутавшуюся и ничего не понимающую… так подло шлепнуть пониже спины, заставив выкупаться в какой-то непроглядной черноте, перемазаться в ней с ног до головы – кажется, голова у меня все-таки есть… ура! – и увидеть, как в глубине этих самых чернил вдруг забрезжил…

Погодите-погодите, что это там за искорка? И свет вроде бы стал ярче… ой, мама, неужели это и есть выход?!

Стоп! Неужели тут вообще есть ВЫХОД?!

У меня словно камень с души свалился.

Прости, неведомый благодетель, прости. Обозналась. Зря Полкана на тебя спустила. Больше не буду. Спасибо, что подсказал направление – сама бы ни в жизнь не догадалась, куда лететь. А теперь извини, мне пора. Если буду здесь снова, непременно загляну на огонек…

Завидев реальную возможность вырваться, я что было сил рванулась в ту сторону. Это же шанс, да еще какой! Надо только поднажать, извернуться дождевым червем, ввинтиться в эту сгущающуюся черноту и… стойте, а почему сгущающуюся?! И что это за тени, вдруг проступившие по краям забрезжившего перед моим носом выхода? Охраняют его, что ли? Не пускают чужих? Так я вроде не чужая – мне тут дорогу показали. И чувствительно так показали. Не понять, знаете ли, трудно. Так что своя я. Ей-богу, своя. В доску.

Эй, а что это там белеет в темноте? И чего это вы ко мне вдруг потянулись?!

Я привычным жестом прикусила губу, но тут же чертыхнулась – губ-то у меня не было. А вот досада была, да еще какая: от призывно мерцающего кольца света в мою сторону весьма целенаправленно двинулись какие-то бесформенные комки. Черные, конечно же, – другого цвета тут нет. А может, они серые или красные – просто не видно. Плохо другое: мне такое внимание совсем не нравится. И еще больше не нравится, что тени движутся как-то уж слишком… разумно?

Я снова попыталась прикусить губу… привычка!

Много вас. Слишком много на меня одну. А выход-то один-единственный. А ну… р-р-разойдись!

Вытянувшись в струнку и сложив руки по швам, я, как опытный пловец, рыбкой нырнула в водянистую мглу. Ножками надо, ножками шевелить. Ластами

работать, одним словом, пусть даже их еще не видно, и вперед, вперед, вперед… пока эти твари не опомнились.

Рывок.

Еще рывок.

Еще поднажать! Совсем чуть-чуть и хоть немного быстрее…

Но тут кто-то бессовестно вцепился мне в голую пятку. Да с такой силой, что я наконец вспомнила, каково это, когда больно. А потом, оглянувшись, звучно сглотнула: мама! Меня держала Темнота! Схватила, зараза, за расплывчатую, но уже вполне угадываемую – появившуюся?! – ногу, а теперь тянула обратно! К себе! Своими наглыми загребущими лапами… нет, уже не лапами, а чем-то непонятным… ох, грехи мои тяжкие! Кажется, Она наконец решила показать свое истинное лицо: оскаленное в злобной ухмылке, крайне неприветливое и буквально сочащееся предвкушением славного обеда. Только слюней изо рта и не хватает. Зато зубов там…

Вздрогнув от вида медленно распахивающейся пасти, в которой бурлила настоящая Тьма, переваривая поглощенные до меня звезды, я взвизгнула, дернулась и со всей силы лягнула непонятную тварь. Одновременно вывинчиваясь из ее лап, будто склизкий червяк с крючка рыболова.

Вот тебе, сволочь! Ищи теперь приличного стоматолога, уродина! И не забудь про страховку, которая всех твоих трат, я надеюсь, до конца жизни не покроет!

Обиженный визг ударил по ушам противной сиреной, заставив меня издать болезненный стон. Но дело сделано – нога свободна. Правда, болела, зараза, зверски, но зато она хотя бы была. Я ее ЧУВСТВОВАЛА! А почувствовав, так наддала, что слетающиеся со всех сторон товарки обиженной мной зверюги только щелкнуть зубами успели – я пролетела мимо них, как фанера над Парижем. Взбудораженная, решительно настроенная и гневно грозящая всем этим облизывающимся харям плотно сжатым кулаком.

Вот вам всем! Сейчас еще одной двину в зубы… на, получи, собака!.. а теперь другой подарочек на носу выцарапаю… уф!

Совершив последний рывок, я буквально врезалась в мирно мерцающее окно, уцепилась за него обеими руками, которые вслед за ногой тоже решили проявиться. Потом подтянулась, едва избежав звучного щелчка чьих-то озлобленных челюстей. И, успев напоследок услышать дружный разочарованный вой, провалилась в никуда. До самого последнего мига торжествующе улыбаясь и откуда-то точно зная, что больше мне ничто не грозит.

Приземление, по закону подлости, было жестким. И ой-ой-ой каким болезненным! От удара я тихо взвыла, одновременно силясь вдохнуть. В глазах потемнело, ушибленная еще раньше голова безумно гудела. Руки и ноги я, слава богу, чувствовала весьма сносно и даже поняла, что ничего себе не сломала, но грудиной ударилась конкретно. Да с такой силой, что аж звездочки цветные заплясали. Одно радует: гаражи с их металлическими крышами явно остались далеко в стороне, иначе квакать бы мне сейчас раздавленной лягушкой. Тогда как я благодаря милости провидения все еще жива, цела и даже как-то шевелюсь, потому что с размаху упала на что-то мягкое, теплое и, кажется… живое?!

Едва сумев протолкнуть в себя первый глоток воздуха, оказавшийся восхитительно свежим и поистине целебным, я осторожно приподняла голову.

Та-ак. Кажется, я и правда на кого-то приземлилась. Довольно удачно, надо сказать. Для меня. Потому что лежу себе на пузе, царапаю подбородком чью-то широкую грудь, морщусь от попавшей в рот металлической пуговицы, старательно выискивая бедолагу, которого так некрасиво сейчас раздавила. Заодно подыскиваю достойные оправдания для своего нехорошего поведения, чтобы неожиданный спаситель не сдал меня сразу в кутузку. Все ж он не зря до сих пор не может прийти в себя. Лежит тут трупом, судорожно дергается, тщетно пытаясь вдохнуть, и как-то нехорошо побулькивает.

Ой. Надеюсь, я ему ничего не сломала?

Еще осторожнее отнимаю щеку от голубой рубашки. С невесть откуда взявшейся робостью пытаюсь отыскать его глаза… стоп! Его?! Хотя да, думаю, что это – мужчина, потому что тело больно уж крепкое. Да и грудь плоская… кхм.
И подбородок вполне мужского вида, хотя и наполовину скрыт красивой серебристой прядью каких-то удивительно гладких волос.

Ого. Кого же это я так славно приголубила?

Поднимаю голову еще выше и вот тут-то чувствую, что меня словно обухом по голове ударило. Во-первых, потому что до разума наконец добралась своевременная мысль о том, что полет с крыши многоэтажки по определению не мог закончиться для меня благополучно. Во-вторых, потому что некстати вспомнила свои приключения в Темноте. В-третьих, потому что обнаружила себя не на окровавленном асфальте, как можно было бы ожидать, и даже не на вдавленном сиденье пробитого мною автомобиля, а на какой-то живописной лужайке. Без парашюта. Без всяких ремней и строп. Без тяжелого рюкзака за плечами, кроссовок и спортивной куртки. В подозрительной близи от незнакомого типа в голубой ру… э-э, нет… видимо, все-таки в тунике… который – о ужас! – от моего приземления все никак не мог прийти в себя! Более того, кажется, ему сейчас очень плохо. Вон как глаза закатил и побелел весь как полотно. Бедняга. Я такой белой кожи, наверное, ни у кого в жизни не видела. А уж когда он открыл глаза и глянул в упор, то вообще тихо обалдела.

У моего спасителя оказались невероятно крупные, просто невозможно крупные, потрясающей глубины глаза. Совершенно черные, что на его белой коже смотрелось довольно жутко. Напрочь лишенные ресниц. Я бы даже сказала, что они похожи на стрекозиные, если бы радужки имели фасетчатый рисунок. Однако это было не так – глаза у него совершенно гладкие, немного выпуклые, неестественно блестящие, лишенные белков. Просто два черных провала на совершенно белом лице. Да и само лицо тоже… ох, под стать: узкое, почти треугольное, с резко выступающими скулами и практически незаметными полосками бледных губ. Вместо бровей – две тонюсенькие белесоватые черточки. Подбородок острый, колючий. Лоб высоченный, прямо-таки ненормально высокий, но гладкий, без единой морщинки. Уши небольшие, идеально круглые, плотно прижатые к голове, но снизу их будто кто-то подрезал – совершенно ровные, без мочек и почти без привычных хрящей по краешку раковины. Добавьте к этому синеватую нитку вен под белоснежной кожей, пузырящуюся на губах голубоватую жидкость, которая, видимо, заменяла ему кровь, подозрительно расплывающееся на тунике такого же цвета пятно… и вот тогда поймете, почему я, отпрянув, с таким ужасом уставилась на торчащую из его груди рукоять ножа.

В тот момент мне было не до особых раздумий о происхождении гуманоида. О том, кто он такой, откуда тут взялся. И уж тем более не до того, чтобы

рассматривать едва виднеющееся лезвие чуть изогнутого клинка, почти целиком погруженного в еще вздрагивающее тело. Я не понимала, что оказалась далеко не в черте города. Не соображала, что случилось и как такое вообще стало возможным. Я оглядеться-то как следует не могла, потому что неотрывно смотрела в чужие, подергивающиеся мутноватой пеленой, но все еще живые глаза. И потому, что этот взгляд завораживал, гипнотизировал, обволакивал со всех сторон, как вязкая патока. И куда-то утягивал, утягивал, утягивал…

Мне даже в голову не пришло поинтересоваться, чем он занимался в тот момент, когда я свалилась на него, как снег на голову. Но, согласитесь, трудно представить себе позу, в которой должно было застать его мое появление, чтобы я… упав почти вертикально… вдруг сумела так четко впечатать этот клинок по самую рукоятку. Как ни крути, я должна была красивой незнакомкой свалиться ему прямо в руки, оттянув их до самой земли. Выбить нож, на худой конец. Сломать что-нибудь. Или шарахнуть аккуратно по темечку, гарантированно отправив в нокаут. Но нож… не дурак же он направлять его на себя?! Причем именно тогда, когда я изволила пролетать мимо?!

Впрочем, он уже умирал. Это было ясно без слов. Он действительно умирал и, кажется, был этим фактом весьма недоволен.

Вдруг кто-то внезапно рявкнул за моей спиной, одновременно дернув меня за плечо.

Я охнула от внезапной боли – такое впечатление, что мне что-то сломали! – но оторваться от гуманоида все равно не смогла. А он будто почувствовал мое стремление отлепиться от него – вдруг выбросил вперед изящную кисть с удивительно длинными, по-паучьи тонкими пальцами, клешней сомкнул их на моем запястье и буквально впился глазами мне в лицо, что-то шепча на совершенно незнакомом наречии.

Левую руку тут же обожгло холодом. Но не простым, а каким-то нехорошим, мертвым. Так, бывает, стоишь ночью у окна, чувствуешь, как со спины ласково овевает тепло жилого помещения, а потом смотришь на черные небеса и ежишься от смутного ощущения, что и они тоже смотрят в ответ. Недобро так, оценивающе, с холодным интересом. Вот и сейчас: мне вдруг показалось, что через это прикосновение умирающий нелюдь тоже меня изучает. Слышит мое смятение, чувствует зарождающийся страх, читает мысли, копается в воспоминаниях.

Честное слово, мне впервые в жизни стало по-настоящему страшно.

Тут мне снова что-то проревели в ухо.

А я же ни слова не понимаю!

Опять он что-то мне рычит!

Да что за тарабарщина?! Кто ты вообще такой, зараза?! И почему норовишь сломать мне единственную правую руку?!

Я вскрикнула, чувствуя, как от прикосновения нелюдя по коже бегут ледяные разряды. Затем все-таки отшатнулась, инстинктивно помогая тому, второму, кто тянул меня прочь. Вскрикнула снова, когда белые пальцы едва не цапнули и за вторую руку, но промахнулись – наверное, странное существо сильно ослабло. Правда, это не помешало ему приподняться следом, выхватить второй рукой нож из собственной груди… точнее, это был не нож, а очень тонкий и довольно длинный кинжал с витой, украшенной странным серебристо-голубоватым орнаментом рукояткой… а потом выплюнуть из себя несколько непонятных слов. От которых меня мороз продрал уже всю, а левая рука онемела до самого плеча.

Но больше всего поразило другое: когда гуманоид – видимо, от слабости, потому что пятно на его тунике ширилось с ужасающей быстротой – все-таки разжал пальцы и выронил свой клинок, кинжал почему-то не упал на землю. Не спикировал на мои несчастные коленки, порвав новенькие джинсы и располосовав ногу до кости. Он как привязанный почему-то завис прямо у меня перед глазами. А когда бледнолицый тип с последним вздохом рухнул обратно и замер, больше не делая попыток пошевелиться, кинжал завертелся вокруг своей оси. Неприятно засветился, озаряя поляну… да, кажется, это была все-таки поляна… призрачным голубоватым светом. После чего, наконец, вспух ослепительно ярким шаром и разлетелся на мириады серебристых искорок.

В этот же момент стальная хватка на моем плече разом ослабла. Кто-то невидимый грубо перехватил меня за шкирку, больно прищемив волосы, и буквально швырнул на мертвого незнакомца. А следом бросил что-то еще – твердое, довольно увесистое – камень, что ли? – умудрившееся тюкнуть меня

точно по темечку. От удара в голове все помутилось, перед глазами во второй раз запрыгали разноцветные звездочки. К горлу подкатил тошнотворный комок, а левую руку заломило с такой силой, что я белого света не взвидела.

Возможно, я закричала. Не знаю. Или даже завопила, поскольку боль была просто невыносимой. А может, это внезапно поднявшийся ветер так истошно завыл? Не помню больше ничего. Последнее, что я увидела перед тем, как упасть на залитую голубой кровью грудь убитого существа, были его неподвижные черные глаза. И холодное мертвое лицо, в котором больше не осталось жизни. И медленно, как во сне, распадающееся на сотни зеленоватых искорок его тело, в облаке которых я и утонула, как в бездонном лесном озере.

Глава 2

Оу-у-у… как же сильно болит голова!

Я с тихим стоном открыла глаза и бездумно уставилась на низкий деревянный потолок.

Боже… такое впечатление, что меня вывернули наизнанку, потом снова завернули, и так много-много раз. Или, что более вероятно, я все же здорово приложилась после падения с небоскреба, иначе почему у меня голова как чугунная, в висках притаился и словно жадно грызет кору неведомый, но жутко голодный зверь? Почему руки с ногами снова ватные, а слабость в теле такая, что я сейчас даже на горшок самостоятельно не сяду?

– Оу… – жалобно выдохнула я, сделав неуклюжую попытку подняться. Но в голове будто бомба взорвалась, а потом меня так сильно повело, что пришлось поспешно опуститься обратно на подушку, с проклятиями пережидая острейший приступ некстати возникшего головокружения.

Черт бы побрал этих бейсеров! Никогда в жизни больше не полезу на крышу… ну, в смысле, пока не поправлюсь. Вот когда приду в себя, выздоровею, залечу свою многострадальную голову, отыщу того мерзавца, который бросил в нее

камень, тогда и…

Я внезапно вспомнила все свои злоключения и резко села.

– Зараза! – пришлось тут же схватиться за виски и согнуться. – Почему ж ты так кружишься, сволочь?!

– О, уже встала? – донесся откуда-то издалека незнакомый голос. Женский голос. Довольно низкий, можно даже сказать – грудной. Но приятный. Почти как у бабушки Нелли. – Зачем же так рано? Еще полежать бы тебе, успокоиться…

С трудом «успокоив» голову, я осторожно подняла взгляд и озадаченно замерла, поскольку совершенно не ожидала обнаружить вокруг рыхлые земляные стены, устеленный старенькими циновками пол, колченогий табурет, тускло светящийся дверной проем и бойко протиснувшуюся в него пухлую старушку, держащую в руках глиняную плошку с еще дымящейся похлебкой.

То, что я не в городе, стало ясно сразу: землянок в Москве я пока еще не встречала. То, что это землянка, сомнений тоже не вызывало – от голых стен веяло легкой сыростью, под потолком висели связки сушеных трав, сам потолок чересчур низкий, выполненный из покореженных временем досок, сквозь висящую на входе старенькую занавеску лился солнечный свет. Все это: обстановка, да и внешний вид хозяйки, – вызывало море вопросов. Причем самый насущный из них вырвался сам собой:

– Вы кто?

Старушка мягко улыбнулась и, поставив на обнаружившийся неподалеку кособокий стол исходящую паром миску, присела возле постели. От нее шло удивительное ощущение покоя, какого-то домашнего уюта, семейной теплоты. А брошенный из-под седых бровей лукавый взгляд был удивительно ласковым, немного снисходительным и поразительно знакомым.

Одета была бабуля в старенькое серое платьице – потертое и застиранное, но очень чистое и благоухающее лесными травами. Сверху виднелся тонкий передничек, наверняка завязанный сзади на крохотный бантик. Рукава подвернуты до локтей, открывая смуглую от загара, но все еще гладкую кожу

рук. Седые волосы уложены в тугую кичку. Лицо круглое, румяное, с приятными морщинками в уголках глаз, а уж глаза… ой-ей, ни у кого я не видела таких блестящих глаз! Когда-то, наверное, синих, бездонных, как море, а теперь поблекших и словно выцветших от времени. Но мудрых, все понимающих и полнящихся какой-то странной внутренней силой.

– Кто вы? – у меня почему-то охрип голос.

Старушка ласково улыбнулась и подвинула миску.

– Ешь.

Я, не глядя, послушно взялась за торчащую из миски деревянную ложку и зачерпнула ароматное варево. Правда, вкус у похлебки был необычным, явно настоянным на каких-то травках, но бабуля как раз и напоминала знахарку из какой-нибудь глухой деревни. Так что никаких парадоксов тут не было.

– Так все-таки кто вы? – в третий раз повторила я свой вопрос, убедившись, что варево вполне съедобно.

– А тебя с толку не собьешь, – неожиданно рассмеялась старушка. – Молодец. Думала, ты еще долго в себя приходить будешь, а ты быстрая. И цепкая к тому же.

Я иронично приподняла бровь: долго будет мне зубы заговаривать?

– Да ведьма я, – вдруг хитро подмигнула бабушка. – Самая обычная ведьма. Неужто не поняла?

Я чуть не поперхнулась.

– Ч-чего?!

– А кому ж тебя могли отдать, найдя на Заброшенном Тракте без сознания? Конечно, ведьме. – Старушка безмятежно пожала плечами, а потом кивнула куда-то в сторону: – У меня и помощник есть. Все как положено. Так что ты ешь, ешь. Не совсем я поняла, что с тобой стряслось, дева, но можешь

не волноваться – здоровая ты. Порчу никто не навел. На честь твою не покусился. Грязных меток в дейри не оставил. Я проверила.

– Где не оставил? Каких еще меток? – обалдело переспросила я, ошарашенно уставившись на вспрыгнувшего на стол крупного котяру. Непроницаемо-черного от морды до кончика пушистого хвоста. Желтоглазого, как сказочный демон, длиннохвостого, как лемур, и чем-то, кажется, жутко недовольного. На меня он взглянул – как плюнул: гордо, презрительно и изрядно свысока.

– В дейри, – повторила старушка, неодобрительно посмотрев на застывшую миску в моих руках. – В той материи, что глазу не видна, но власть над которой дает неограниченные возможности над телом.

– Короче, в ауре, – машинально перевела я, отставив миску прямо под нос негодующе фыркнувшему коту.

А теперь стоп. Мне надо подумать. Точнее, мне надо очень хорошо подумать.

Что за фигня тут творится? Откуда в центре Москвы взялась землянка с бабкой-травницей, утверждающей, что она – ведьма? Нет, шарлатанок у нас вокруг пруд пруди, но ЭТА на них не похожа. Не знаю, почему, но не похожа, и все тут. Да и коша?к у нее под стать. Точь-в-точь ведьмин кот. Прямо как у Пушкина. Только сказок не рассказывает, а песни если и заводит, то свои, кошачьи, противные и громкие. Впрочем, не в этом суть, а в том, что они тут делают?! Или, может, лучше спросить: ЧТО Я ТУТ ДЕЛАЮ?! Точнее, где это я?! И что здесь вообще происходит?!

Так. Не паниковать. Не дергаться. Не рвать на себе волосы.

Давайте допустим, я все-таки ударилась головой. Какова вероятность моего нахождения в «желтом доме», рядом со всякими «наполеонами бонапартами», сердобольными нянечками – я подозрительно покосилась на бабульку, но смирительной рубашки у нее в руках не увидела – и плечистыми парнишками в белых халатах? Могла ли я удариться так сильно, что у меня развилось помрачение сознания или началась какая-нибудь горячка? Ну, белая там или зеленая… я в этом не спец. Могло ли это быть последствиями ушиба?

Я машинально дотронулась до внушительной шишки на затылке.

Ладно, допустим, могло. Что дальше?

Если я жива и лежу себе на больничной койке, то, выходит, мне все это снится. Пожалуй, проверим… фантастические гипотезы нам не нужны… ой, щипать себя, оказывается, вредно даже во сне! Ладно, все ясно. Если я и сплю, то или слишком крепко, или, что более вероятно, это не сон, а полноценный бред с тактильными (подушка под задницей колется самой настоящей соломой), зрительными (кот на столе обнюхал мою похлебку и демонстративно отвернулся), слуховыми (пушистый мерзавец не удовлетворился этим и гнусаво мяукнул) и обонятельными (похлебка пахла вкусно, зря этот гад привередничает!) галлюцинациями.

Тихо. Спокойно. Вдох. Выдох.

Ну вот. Стало полегче. Рассуждаем дальше.

Насчет дурдома мне думать не хочется – это раз. Рассуждаю я все еще, смею надеяться, довольно здраво – это два. Никакая шиза не объяснит свежей шишки на голове – это три. Я определенно не в Москве – это четыре. И, наконец, я действительно хочу есть, хотя во сне или в бреду такого, как говорят, не бывает. Из чего следует вывод…

«Что в больнице плохо кормят», – ехидно вставило проснувшееся подсознание.

Так. Двигаемся дальше.

Раньше глюками я определенно не страдала. Факт? Факт. При падении – убью ворону, если поймаю! – я действительно могла удариться головой, и это вполне могло вызвать временное помрачение сознания. Логично? Ну да. За исключением того момента, что я и сейчас не представляю, как можно сигануть с двадцатого этажа с порванным парашютом, свалиться на скопище металлических гаражей и при этом остаться в живых.

К тому же у меня остается стойкое ощущение неприятной пустоты в области укушенной пятки. Холодком оттуда тянет, что ли? Да и шишка на затылке вполне реальная. И болит она слишком уж по-настоящему. Да и старушенция вместе с наглым котом смотрят очень уж живо, непридуманно. И землянка

нормальная. И кровать подо мной чистая. И травами пахнет все сильнее. И солнце в дверь заглядывает все настойчивее. А раз уж мы решили, что я не больная на голову, то… каков тогда правильный вывод?

– Где я? – наконец разлепила я губы, внимательно изучая круглое лицо собеседницы.

Бабуля снова улыбнулась.

– В Суорде.

Чудесно. Замечательный ответ.

– А Суорд где? – ровно уточнила я, старательно отгоняя от себя одну нехорошую мысль.

– В Вольных Землях.

– А Вольные Земли к чему относятся?

– К Валлиону, – хмыкнула бабушка и опять улыбнулась. Так хитро, что я почувствовала себя идиоткой. – Кстати, меня Айной зовут. Можешь звать тетушкой Айной. Я – ведьма. Настоящая и с таким же настоящим помощником. А ты действительно не спишь и не бредишь.

Я мрачно на нее покосилась.

– Что, так заметно нервничаю?

– Да нет. Ты чудесно держишься, – заверила тетушка Айна, в очередной раз порадовав меня милыми ямочками на щеках. – Но я уже отжила те годы, когда меня можно было провести таким каменным лицом. К тому же у тебя очень необычная дейри. Никогда таких не видела. Как тебя зовут?

– Галка, – покорно ответила я.

Кот скорчил скептическую гримасу.

– Какое странное имя, – задумчиво обронила старушка.

– Галина Игоревна Чернышева, – зачем-то добавила я, с подозрением уставившись на гадкого зверя. Тот фыркнул совсем уж мерзко, а затем, величаво отвернувшись, бесшумно спрыгнул на пол. После чего вздернул трубой свой роскошный хвост и, плавно покачиваясь, столь же величаво удалился.

– Это шейри, – непонятно пояснила старушка, провожая его взглядом. – Не обращай на него внимания. Скажи лучше, как тебя занесло на Заброшенный Тракт? И как получилось, что никого в округе там больше не оказалось? Недавно там случился огромный выброс силы. Такой, что я аж подпрыгнула на кровати и едва не решила, что новый Ишта родился.

Я совсем скисла, уже понимая, что версия с шизой трещит по всем швам, а со сном вообще никуда не годится. Затем понурилась, потерла гудящие виски и… послушно рассказала. С того самого момента, как сиганула с крыши новостройки, и вплоть до опасного мига, когда меня так некрасиво двинули по голове. Правда, рассказала не все. Мало ли, вдруг они иномирян тут на кострах сжигают? Судя по одежке бабули, меня каким-то образом закинуло в неизмеримые дали, где вовсю царствует Средневековье. А там колдунов, по слухам, не любили. Даже если учесть, что я не на Земле, про Ишт и каких-то там котов-шейри у нас и слыхом не слыхивали, все равно стоило перестраховаться. Заодно пора бы начать привыкать к ситуации и постараться признать шальную мысль о другом мире правдой. Сперва, конечно, перекреститься и сплюнуть через левое плечо (чем черт не шутит? вдруг проснусь?), а потом осторожненько подготавливать сознание к новым реалиям и начинать поскорее оглядываться по сторонам. В смысле, не идет ли где местный священник с распятием?

Хотя о чем я говорю? Какое распятие? У них тут про Христа, наверное, не слыхивали?

– Нет, – покачала головой тетушка Айна в ответ на мой глупый вопрос. – Не знаю таких. У нас Аллар в почете. Лучезарный или Светоносный его еще называют. Есть Айд, Повелитель Тьмы. Есть их верные слуги, ведущие нескончаемую войну. И есть Лойн, Хранитель Равновесия, призванный следить за тем, чтобы мир наш

не погиб. А Христа никакого нет.

– Понятно, – вздохнула я: вот тебе и распятие. – А вы мне верите?

Старушка неожиданно остро посмотрела, но потом кивнула.

– Верю, милая. Не все в твоих словах мне понятно, но лжи я не увидела. Так что не бойся: верю я тебе. И, пожалуй, даже смогу кое-что объяснить.

– Правда? – вырвалось у меня невольное.

Господи! Ну хоть кто-то может сказать что-то конкретное! А то так и с ума сойти недолго!

– Хотя и не все, – тем же материнским тоном закончила ведьма. Потом огляделась, отыскала отставленную мной плошку и снова сунула в руки. – На-ка, ешь. Тебе силы нужны. А я попробую ответить на твои вопросы.

– Что со мной произошло? – едва не подавилась я, торопясь как можно скорее успокоить взбаламученную голову. – Почему я тут оказалась? Как, в конце концов, это могло случиться? И почему здесь? Кто тот чело… в смысле, тип, которому я так невежливо испортила прическу? И почему ваши мастеровые никого больше не увидели, если я точно помню, что со мной в тот момент кто-то был? Они что, следов не нашли? Или тот чудак, что бросил в меня камень, по земле не ходил? Кровь опять же там была…

– Он не камень в тебя бросил, – сухо просветила меня старушка, как-то разом посуровев.

– Нет? А что тогда?

– Заклятье.

– Кхе… – во второй раз мучительно подавилась я.

– Именно что заклятье, – задумчиво повторила тетушка Айна, беспокойно теребя подол старого платья. – Какое, не скажу: не сильна в новой магии, но мощное,

бесспорно.

Я с трудом прокашлялась и сипло уточнила:

– А зачем ему меня убивать?

– А он не тебя хотел убить. Ему был нужен эар.

– Эар – это тот бледнокожий тип с черными глазищами и волосами, как у нестриженого бобра? – уточнила я для верности. На что старушка странно хмыкнула, но снова кивнула. – А зачем его убивать? И при чем тут я?

– Зачем – не знаю, – повторила ведьма, став еще задумчивее. – Эары уже давно не выбираются в наши земли – Эйирэ для них гораздо больше, чем простой лес. К тому же эар по Заброшенному Тракту пошел, не по Главному, значит, хоронился. Не хотел никому на глаза показываться. Но раз тот человек его там встретил, то наверняка ждал. И явно не с добрыми намерениями: если уж эар рискнул открывать Воронку, значит, чуял, что не справится.

– А что в нем такого важного? – только и спросила я, когда старушка на мгновение умолкла.

– Кровь эара – ценное снадобье. Раны почти любые излечивает. Силы дает. Здоровье возвращает.

– Ну, ради такого куша многие пойдут на преступление.

– Ты права, – вздохнула тетушка Айна. – Но на самом деле убить эара довольно трудно – его не всякое оружие возьмет. Кожа у них особая, прочная. Кроме адарона, ее ничто, пожалуй, не пробьет. А раз у того человека получилось, значит, он или скарон, в чем я очень сомневаюсь, или имел при себе оружие самих эаров.

– Тот кинжал…

– Да, деточка. Хотя я больше поверю, что эара сперва ранили стрелой или болтом заговоренным. А кинжал он вонзил в себя сам – открытие Воронки

требует немалых сил. И использования магии крови.

Я снова нахмурилась.

– А зачем ему нужна воронка?

– Не простая это воронка, особая, Воронка, как говорится, с большой буквы, – пояснила ведьма. – Выходит в иные слои бытия. На нижние уровни. В Тень. Думаю, он пытался призвать шейри… ну, демона то есть… чтобы тот помог ему избавиться от человека или, на худой конец, отомстил убийце. И, судя по тому, что ты видела в небытии, и тому, как мощно тебя потянуло к той Воронке… думаю, он искал ОЧЕНЬ сильного демона.

– Постойте-ка! – вздрогнула я, как наяву вспомнив неласковый удар пониже спины, отправивший меня прямиком к выходу из Темноты. – Погодите! Вы хотите сказать, что те тени… и свет… это и был ПРИЗЫВ?!

Тетушка Айна вместо ответа откинула краешек теплого одеяла и кивнула на мою покусанную пятку. Я послушно опустила взгляд и обомлела: там действительно красовался четкий отпечаток чьих-то двойных зубов. Треугольных, как у акулы, и вонзившихся, наверное, до самой кости. Как еще ногу не откусили – ума не приложу. Но зато теперь у меня именно в этом месте постоянно холодило ступню.

– Ничего себе! – пробормотала я, неверяще ощупывая белесые шрамы.

– Я подлечила, – кивнула тетушка на мой ошарашенный взгляд. – Правда, это было нелегко, но у тебя очень необычная дейри, поэтому все и вышло… ну… даже не знаю, как сказать.

– Что, все так плохо?

– Нет, – негромко рассмеялась старушка. – Просто связываться с демонами довольно опасно. Их зубы обладают способностью вытягивать из смертных магию и даже жизненные силы. Причем, чем старше и сильнее шейри, тем сложнее с ним бороться. Но с тобой у него почему-то не вышло.

– Еще бы, – буркнула я, машинально подтягивая под себя укушенную ногу. – Я ему этот зуб просто вышибла.

– Ах вот оно что! А я-то думаю, почему на тебя магия почти не действует! Выходит, в тебе остался осколок его зуба! Ты ведь не вылечивалась раньше так быстро?!

Я ошалело потрясла головой.

– Н-нет. Не замечала.

– То-то и оно! – торжествующе подняла указательный палец старушка. – По всем законам, ты должна была стать добычей шейри. Видимо, он являлся среди них старшим, поэтому находился к Воронке ближе всех. Когда прозвучал Призыв, ты его отвлекла, а младшие шейри – у них очень строгая иерархия – не посмели его опередить. В итоге Воронка закрылась до того, как они проникли в наш мир, а ты благополучно ускользнула, прихватив с собой частичку чужого зуба. И это прекрасно объясняет тот факт, что ты не только не погибла от посмертного заклятия эара, но также не поддалась и второму магу… о Аллар! Наконец-то мне все стало ясно!

Я совсем насторожилась.

– Да? А что именно вам ясно?

Мне, например, ни черта не ясно!

– Деточка, – проникновенно начала ведьма. – Тебя прислал ко мне сам Лучезарный. Не знаю, для чего Он позволил тебе перешагнуть границу Вечности, зачем вернул к жизни и поставил на пути убийцы эара… но поверь мне, милая, это неспроста. И это значит, что ты Ему для чего-то очень нужна.

– Кто бы только мне об этом сказал…

– Он скажет, – странно улыбнулась бабулька, с необъяснимой гордостью глядя на мое озадаченное лицо. – Когда придет время, все узнаешь. А пока не ломай голову над божественным провидением. У тебя, поверь, есть совсем другие

сложности, с которыми я, увы, не смогу тебе помочь.

Я прямо-таки подобралась, нутром чуя приближающиеся неприятности.

– А… вы это о чем?

– Ты хорошо меня понимаешь? – вдруг очень ласково осведомилась ведьма. Тем миленьким тоном, которым разговаривают с плохими девочками, прежде чем указать им на ошибку и взяться за ремень. Помню, папа одно время этим грешил, пока мама не увидела и не пресекла рукоприкладство в корне.

Я оглянулась на занавешенную тряпочкой дверь и отчего-то занервничала.

– Ну… да. Понимаю.

– ВСЕ понимаешь, деточка?

– Э-э… почти. К чему эти вопросы?

– А когда ты на эара упала, ты его ТОЖЕ понимала?

– Нет. Да как я могла понять, если никогда его не…

И вот тут меня наконец осенило.

Мать моя! Я же ее действительно ПОНИМАЛА! Говорила, как с обычным человеком! Со скидкой на незнакомые слова и понятия, но все же!

– Боже… – Я жалобно на нее посмотрела. – Это что, МАГИЯ?!

– Она, – удовлетворенно протянула бабушка Айна, потирая сухонькие ладошки. – Только не моя. Совсем не моя. И это еще раз доказывает, что мои выводы полностью верны.

Мне стало совсем нехорошо.

– Что значит, не ваша? А чья тогда?

Вместо ответа ведьма молча указала на мою левую руку.

Я с замиранием сердца взглянула вниз, выпростав конечность из-под одеяла, и, пару секунд неверяще на нее потаращившись, с тихим стоном уронила обратно. Все. Я больше не могу: слишком много для одного дня. Поспать бы. Или, наоборот, проснуться. Боже… ну как меня угораздило?!

Я снова подняла руку и зло посмотрела на плотно обхвативший запястье браслет. Не слишком широкий – в пару сантиметров всего. Красивый, гад, ажурный, весь серебристо-голубой, загадочно мерцающий в полутьме. Намертво врезавшийся в кожу, сдавивший ее так, что под него даже волосок не просунуть, и – мерзавец такой! – источающий уже знакомый мертвый холод. Точно такой же, какой исходил от руки белобрысого эара. Вот, выходит, почему мне стало тогда так холодно?! И вот почему я и сейчас все никак не могу согреться?!

П-подарочек, понимаешь…

– Долговой браслет, – зачем-то решила пояснить ведьма. – Точнее, долговой браслет эара. Заговоренный. Очень сильный. Пока не исполнишь наложенный на тебя долг, не спадет. И именно это – твоя самая главная проблема. За нее сейчас хватайся. Остальные могут и подождать.

Ну вот! Я еще с другими-то не разобралась, а этот проклятый нелюдь мне уже новую подкинул! Правильно я его прибила. Одарил меня, придурок белобрысый, называется. Прямо облагодетельствовал. Урод.

Я устало закрыла глаза.

– Снять его нельзя, – снова заговорила старушка, видя, что я настойчиво тереблю новое украшение. – Пытаться убрать наговор не советую – браслет даже меня близко не подпустил, хотя я едва попыталась. А любого другого может посчитать за угрозу и уничтожить вас обоих. Вместе с собой. Или же отыщет себе другого носителя… после того, как отрежет тебе руку.

«Гаденыш!» – мстительно подумала я, медленно закипая. Но вслух все-таки спросила:

– Зачем эар отдал его мне?

– Долг на тебе, девочка, – сочувствующе посмотрела тетушка Айна. – Большой долг. Из тех, что отдаются лишь большой кровью. Потеряв жизнь, эар не исполнил того, что было для него важным. И теперь этот долг должна исполнить ты. Есть и у смертных подобный обычай, но долговые браслеты, как правило, не убивают своих носителей. Достаточно того, что они причиняют боль, если носитель вовремя не исполняет свои обязательства. А вот эары чтут старые законы. Говорят, раньше даже Тварей поднимали и заставляли повиноваться. Правда, я не слышала, чтобы они когда-либо отдавали смертным такие браслеты, но думаю, у того эара просто выхода не было. Поняв, что заклятие не подействовало, он, видимо, решил, что и браслет тебя тоже не убьет. А значит, ты сможешь совершить то, что не успел он, и, таким образом, отдашь долг жизни, раз уж невольно послужила причиной его смерти.

Я подавила желание выругаться и сжала пальцы в кулаки.

– Браслет помог тебе освоить наш язык…

Ах вот почему башка до сих пор раскалывается!

– Он дал тебе понимание наших обычаев…

Щаз-з! Я в ваших обычаях до сих пор, как корова в посудной лавке! Того и гляди, чего-нибудь опрокину или сломаю!

– Ну, или даст в скором времени, – поспешила поправиться ведьма, увидев зверское выражение моего лица. – Думаю, он еще привыкает к тебе, приспосабливается. Возможно, эар и на него наложил какое-то заклятие, чтобы быть уверенным, что ты останешься в живых…

Руку тут же неприятно кольнуло, а потом сжало ледяными тисками.

– В любом случае, времени у тебя немного, – виновато вздохнула старушка. – Если не успеешь до окончания срока, браслет напомнит сперва болью, а потом и… чем-нибудь еще. Не знаю, на что он заговорен. Но опасаюсь, что тебе это совсем не понравится.

– Что я должна сделать? – сухо спросила я, открывая глаза и холодно любуясь игрой света на голубоватом серебре.

Ведьма развела руками.

– То браслет сам подскажет.

– А сроки?

– Не ведаю, – еще виноватее вздохнула она. – Но не думаю, что больше трех дюжин дней.

– То есть примерно месяц, – с каким-то неестественным спокойствием заключила я. – Или даже меньше. А после этого, если я не приду куда-то и не сделаю чего-то важного, со мной случится крупная неприятность. От которой, я полагаю, меня уже не избавит ни маг, ни ведьма, ни ваш Великий и Лучезарный Аллар.

Тетушка Айна мудро промолчала.

– Ясно. Спасибо за разъяснения. Мне, пожалуй, пора.

– Стой, – властно остановила меня сухонькая ладошка, едва я попыталась свесить ноги с постели и неуклюже встать. – Не спеши. Какое-то время у тебя есть. Эар все же не глупец – доверять смертному дело, которое окажется ему не по плечу. Думаю, тебе следует идти в Эйирэ. В их леса. На запад от последней границы Валлиона. Дотуда всего две дюжины дней ходу. Браслет сам подскажет, правильно идешь или нет. А может, и откроет, для чего ты понадобилась его прежнему хозяину. Эар ведь что-то говорил перед смертью?

– Говорил. – Я устало оперлась руками на постель, равнодушно глядя на то, как босые пятки царапают земляной пол, а короткая (явно с чужого плеча) льняная рубашка скользит по обнаженным бедрам. – Но я не знаю их языка.

Это вы меня переодели?

– Я, конечно. Твою странную одежду пришлось выстирать и… обработать.

– Зачем?

– Кровь эара, – отчего-то усмехнулась ведьма, и я понятливо кивнула: ну да, я ж в ней перемазалась, как свинья. Наверняка еще и слизнула, когда носом в чужую грудь тыкалась. Хотя бы капельку. Так что бабуле, в некотором роде, действительно со мной повезло. Думаю, этой кровью я с ней с лихвой расплатилась за гостеприимство. Да и за обработку ран тоже.

Однако пора мне. Если она права, то мне надо спешить, пока браслет не передавил артерию и не вызвал гангрену. Снять-то его нельзя. Остается только идти, куда послали, и надеяться на то, что успею. Только надо бы карту поискать, что ли? Да одежду какую местную, чтобы по дороге не лезли с вопросами. И насчет денег уточнить, конечно: пес их тут знает, чем живут? Наверное, золото и серебро в почете? Средние века – они везде Средние века, до бумажных денег тут еще не доросли. Как и до кредиток со всей банковской системой заодно. А у меня с собой только и есть, что мамины сережки с изумрудами да колечко бабушкино, которое я всегда считала счастливым. Сегодня вот тоже надела перед своим первым прыжком. Думала, удача будет… а оно вон как вышло.

– Я тебе проводника дам, – неожиданно сказала тетушка Айна и почему-то отвела глаза, когда я удивленно повернулась. – Кота моего возьмешь. Он очень умный. Доведет до эаров, а там сама решишь, куда его девать.

Я озадаченно нахмурилась.

– Кота? Зачем?

– Непростого кота, шейри, – еще тише поправилась ведьма, и мой взгляд сам собой упал на усевшегося на пороге кошака.

Толстый, мордатый, он аж весь лоснился от наглости. Усищи длинные, черные. Глазищи желтые, горят, как два фонаря. Уши крупные, торчком, длиннющий

хвост раздраженно гуляет из стороны в сторону… недоволен, скотина, что бабка решила его отдать. Да и мне-то чего радоваться? Как он поможет?

Стоп! Она ведь мне уже говорила, что этот кот – шейри!

– Да он настоящий демон, на самом деле?!

– Он из младших, – как-то грустно покосилась Айна на сердито взъерошившего шерсть зверя. – Мелкий. Слабый. Только и годится, что ведьме в помощники. Но путь тебе укажет. И охранит, если придется. Возьмешь?

– Да что я с ним делать-то буду?! – отпрянула я, когда хищный взгляд прищуренных кошачьих глаз буквально ударил меня в грудь. Вот зараза! Он ведь наверняка не захочет идти со мной! И как я с ним пойду?! Как про дорогу спрашивать буду?! Пошиплю? Помурлычу? Но я-то ладно, а он мне как ответит? Хвостом, как указателем, работать будет?!

– Он тебя сам приведет, куда нужно, – объяснила ведьма.

Ну вообще чудесно! Хотя, с другой стороны…

– Спасибо, – тяжело вздохнула я, смирившись с неизбежным. Да и куда мне деваться? Хорошо, что хоть такой проводник нашелся. – Действительно, спасибо. Если дойду, он потом найдет дорогу домой?

Тетушка Айна совсем погрустнела.

– Он всегда там, где его дом.

– Тогда ладно, – немного успокоилась я. – Возьму. Но кормить его нечем. Пусть мышей ловит или крыс там каких. Я еще не знаю, что сама в пути есть буду и где нам ночевать придется.

– Еды я тебе дам, – слегка оживилась старушка. – И одежду найду. Денег немного – то, что осталось от прошлой жизни. За шейри не переживай – он живучий и голодным нигде не останется. Только иногда под бочок его пускай, он и успокоится.

– А зовут его как? – настороженно покосилась я на недовольно заурчавшего кота.

– Да как хочешь. У шейри нет настоящих имен, так что как скажешь, так и будет.

Я почесала затылок.

– Ну, раз ему без разницы… значит, будет Барсик.

– Ш-ш-ш-с-с! – донеслось яростное от двери.

– Цыц, окаянный! – вдруг притопнула бабка, грозно приподнимаясь. Кот вякнул что-то неразборчивое и, не желая получить миской по лбу, стремглав умчался за занавеску. Тогда как ведьма подошла ко мне поближе, положила потеплевшие руки на плечи и, заглянув в глаза, чему-то странно улыбнулась. – Ты подходишь, девочка. На удивление хорошо мне подходишь. О шейри не переживай – он будет послушен, ибо не приучен к другому. Дорогу я тебе примерную скажу. Что успею, про нашу жизнь тоже поведаю. А там уж… пусть бережет тебя Аллар. И пусть Свет укажет тебе дорогу.

Я удивилась про себя тому, что бабка-ведьма, которая вроде должна получать свою силу от демона, вдруг так легко поминает Аллара. Но другой мир – другие законы. Мне оставалось только терпеливо переждать, пока лба коснутся сухие губы тетушки Айны, и начать готовиться к самому длительному в моей жизни турпоходу.

Глава 3

На сборы я потратила почти весь день. Имея кое-какой опыт прогулок по пересеченной местности… да-да, мы с ребятами пару раз в универе в горы ездили, так что со спальным мешком и сомнительными прелестями походов я была знакома… так вот, я припомнила старые навыки и теперь скрупулезно собирала старенький бабкин мешок, стремясь уложить туда как можно больше нужного и до отказа – жизненно важного.

Благодаря немыслимой щедрости хозяйки я обзавелась чистыми коричневыми штанами на тонких завязочках, двумя серыми рубахами из низкокачественного хлопка или льна – простите уж, не поняла, из чего. Затем – грубыми ботинками на ужасающе жесткой подошве. Приличным по размерам мешком. Одним крохотным мешочком с кремнем и огнивом плюс еще более крохотным кулечком с деньгами. Деньги походили на игрушки из набора для страстных поклонников нумизматики.

Со штанами я особых проблем не видела – накинула сверху длинный плащ, скрыла от любопытных это убожество с заплатами на коленках, и ладно. С рубахами – тоже порядок, несмотря даже на глубокий вырез на груди, широкие рукава – мужская, видимо, рубаха, – отсутствие пуговиц и карманов. Вообще у них тут карманы явно не приняты. Не в моде, так сказать, но я не погнушалась собственноручно нашить по одному на внутреннюю сторону каждой рубахи, такой же старой и непритязательной кожаной жилетки – бедная свинья, наверное, от старости померла – и даже штанов. Про запас, так сказать. Куртку и плащ пока трогать не стала – кто знает, какие тут порядки? Может, снять их придется прилюдно, тут и заметят карман, а он, может, мне не положен по статусу? Вот с ботинками здорово намучилась, пока научилась правильно наматывать портянки.

А что? Думаете, так просто освоить эту нехитрую науку за каких-то пару часов? Ага, а вы сами пробовали – после того, как всю сознательную жизнь проходили в хороших хлопковых носках?! Вот то-то. Ребята еще ладно – им это в армии преподавали. А такой, как мне… у-у-у… как только разберусь с эаром, тут же найду портного и закажу сто… нет, сразу двести пар носков! Чтоб никаких тряпок, никаких сбитых ног и никаких каблуков, от которых на второй минуте начинает жутко ломить укушенную пятку!

– Ничего, привыкнешь, – успокаивала меня тетушка Айна. – Немного помучаешься, да и привыкнешь.

Черт! Но что я ей отвечу? Вот именно – только «спасибо»: не босиком же по тракту топать?!

Но с одежей еще ничего. Я по жизни всякое носила и от старых вещей в обморок не упаду. Тем более что в джинсах мне появляться тут действительно не стоит. Оставить я их, конечно, у бабули не оставлю, но запрячу пока подальше – может, где пригодятся. На сменку опять же пойти могут. А то, может, еще куда

пристрою. Плохо другое – «молний», пуговиц, заклепок и других современных способов облегчения жизни простого человека в Валлионе еще не знали. Соответственно, держалась одежа лишь на честном слове и туго подобранных завязках. Неудобно до жути, но куда деваться? В моей ситуации бери что дают и улыбайся повежливее, пока не отобрали. Хорошо хоть, бабуля согласилась возиться со мной, как с малым дитем, а то ж наткнусь на кого понаблюдательнее, да и засыплюсь, как лиса в барсучьей норе. Девицам тут, оказывается, в одиночку бродить нельзя. Девицам с ведьмиными котами тем более: в Валлионе, как выяснилось, к ведьмам относились с предубеждением. Считали, что их сила идет от Айда, бога Тьмы – нехило, да? – потому она и нечистая, злая, недобрая, проклятая… ну, и далее по тексту. А поскольку официальной религией здесь была истовая вера в Светоносного Аллара и храмы, соответственно, выстраивались тоже только ему, то всем остальным божествам предписывалось молчать в тряпочку. А последователей своих неуклонно беречь от жрецов Аллара, дабы не изничтожили.

– В Вольных Землях посвободнее, – неохотно призналась ведьма, когда я спросила, почему так. – Хотя и не везде: к примеру, в Суорде жить можно. В Цевине и Торане тоже – там эрхасы помягче. А вот в Дагоне тебе придется быть осторожнее: эрхас Дагон, правитель Дагона, – человек жесткий, взгляды короля полностью разделяет и поддерживает. Для жрецов Аллара – чуть ли не самый верный сторонник и последователь. Да такой, что в своем эрхе ни одной ведьме не дает прижиться.

– Эрх – это что? – не преминула полюбопытствовать я.

– Надел, разрешенный к отделению королем. Почти свободная земля, где есть лишь один властитель – эрхас.

– А сам король не у дел?

– На бумаге – да, – кивнула ведьма. – Но на деле выходит, что именно король те земли и дарует своим ближайшим сторонникам.

– Молодец, – не удержалась я от ехидной улыбки. – Чего бы ему их не дарить, если человечек верный и предавать пока не собирается? Законы-то небось там и тут одинаковые?

– Конечно, – улыбнулась и тетушка Айна. – Эрхасы для того и создавались, чтобы дать возможность простым людям получить титул и землю, которую другими способами не получишь. Это еще дед нынешнего короля придумал. Но придумал хорошо. И систему наказаний прописал до мелочей, чтобы живущие там «свободные» не думали, что эрхас может кого-то обидеть и не получить заслуженного возмездия в Королевском Суде. С другой стороны, эрхасы – люди военные. Все когда-то служили в Королевской Вольнице. Так что, оказавшись на границе Валлиона, они ее еще и стерегут. Прочесывают в поисках Тварей. Следят за порядком. А поскольку титул не наследуется, то…

Я негромко рассмеялась.

– Действительно, отлично придумано! Вся эта «вольница» у короля в крепком кулаке. Вздумают восставать, он тут же урежет их землю. А где нет земли, нет и доходов. А когда нет доходов, то и бунтовать не на что. А если король не дурак и кое-какие свободы им оставит, они за него горой будут еще мно-о-ого поколений вперед. До тех пор, пока он их страшно не обманет или пока Валлион не сотрут с лица земли.

– Видимость свободы порой гораздо нужнее самой свободы, – тонко улыбнулась тетушка Айна. – А Вольные Земли для короля – это и защита границ, и доходы, и место, где можно спокойно вырастить целую армию, не опасаясь серьезного бунта. Крестьяне-то там тоже в основном из бывших солдат. И семьи их там, родные, близкие. Каждому жалование положено до самой смерти. Хотят если сеять – пускай. Не хотят – то вон, скот всегда в цене. Если и это не устраивает – иди в кузницу работай. А коли лямку военную тянуть желаешь, то дружины у эрхасов завсегда нуждаются в хороших воинах. Да и Суд Королевский в каждом эрхе присутствует, и на том Суде никому спуску не дают – ни эрхасам, ни крестьянам, ни солдатам, ни даже жрецам. Король, хоть и не терпит ведьм, за порядком хорошо следит. И пока не случалось такого, чтобы судьи оправдали виновного или осудили невиновного. Это ж и королю выгодно, и нам. Особенно ведьмам, потому что в самом Валлионе нас бы даже слушать не стали, а здесь пока еще жить можно.

– Ничего у вас король, – задумчиво протянула я. – Одним ударом сразу двух… нет, трех зайцев убил. И ведьм со своей территории убрал. И сторонникам за верность приличную награду отмерил. И границы свои закрыл от чужаков… это он сам придумал или снова дедушка постарался?

– Всего понемногу. Ты огниво-то берешь?

– Беру, – опомнилась я и тут же порылась в карманах джинсов, выуживая оттуда зажигалку. – Все беру. И вот эту штуку.

Небольшая пластиковая коробочка с еще не изобретенной здесь горючей смесью была, пожалуй, единственным, что у меня осталось от прошлой жизни. Не считая горсти бесполезной мелочи, потертых джинсов, маминых сережек и невесть как затерявшегося в карманах «древнего» карандаша. Правда, выкинуть его я не решилась: выдвижной стержень в серебристой оболочке из покрытого красивой гравировкой металла мог еще пригодиться. Так что я лишь убрала его подальше и тяжко вздохнула: вот и вся моя память о доме.

Тетушка подозрительно покосилась на матово-черную зажигалку с каким-то замысловатым кельтским рисунком, но смолчала. А потом взялась за рисование.

– …Вот смотри: это – наш Валлион. – Она расчертила на земле границы королевства. – Здесь север, тут юг, где тебе пока делать нечего… да на землю смотри! Не на меня!

Я не стала выспрашивать, почему мне нельзя на юг, но на всякий случай зарубку в памяти оставила.

– Фарлион там, – со вздохом пояснила ведьма, видя мое недоверие. – Но тебе там нечего делать: сплошной заслон из Тварей – прислужников Невирона. Смотри сюда, любопытная: вот здесь и здесь…

Справа от Валлиона появились три небольших кружка.

– …расположены Тарр, Беон и Хеор. Королевства небольшие, торговые и для тебя не важные. Говорю лишь потому, что все равно спросишь, так что смотри и запоминай. Южнее от них, как я сказала, и ближе к западу лежит Фарлион – большая долина, со всех сторон окруженная горами и лет двести уже слывущая прямой вотчиной Невирона… Невирон будет дальше, не спеши… так вот, Фарлион тоже относится к Валлиону, однако из-за обилия Тварей он уже вроде как самостоятельное государство. Долина Воинов – так ее еще называют. Теперь смотри сюда: вот это – Вольные Земли, а вот это – владения эрхаса Суорда, откуда ты и отправишься…

Примерно через полчаса я довольно неплохо представляла себе, куда меня занесло и куда надо идти, чтобы добраться до эаров. Еще через час путаных объяснений стало понятным устройство здешней системы самоуправления. Еще какое-то время мне понадобилось, чтобы все это осмыслить и переварить, потому что тетушка Айна была рассказчиком хоть и неплохим, но довольно-таки непоследовательным. А когда все более или менее уложилось, у меня получилось примерно вот что.

Мир этот назывался Во-Аллар, что в переводе с местного тарабарского языка приблизительно означало «Созданный Алларом». Правда, жители Невирона – единственного места, где уже много веков поклонялись Айду, Повелителю Тьмы, упорно звали его Во-Айд. И, думаю, уже ясно, почему.

Со слов Айны, на Во-Алларе царствовала знакомая всем идея дуализма: два верховных бога, отвечающих за Свет и Тьму, два вида храмов, управляемых, разумеется, жрецами. Два вида власти, прочно удерживаемых с взаимной помощью, и еще более знакомая система: грозный монарх – царь, король, князь, самодержец – плюс матушка-церковь, которая цепко держала руль, не позволяя к нему даже притрагиваться. Причем система не менялась уже много веков, однако функционировала на удивление эффективно.

Правда, насчет богов я не совсем поняла, потому что ведьма сказала, что богов здесь не два, три, но информации и без этого было слишком много, так что пока я не стала ничего уточнять.

Самым крупным территориальным образованием на ближайшую пару месяцев пути был, конечно же, Валлион. По названию и атрибутам – обычное королевство. На деле же – полноценная империя, возведенная на базе сомнительной идеи обожествления Лучезарного. Он же – Аллар. Он же – Светоносный. Оплот чистоты и святости, разумеется. Официальная религия одна-единственная, хотя в провинциях… ах нет, простите – в эрхах… допускались и некоторые иные движения, которые не шли вразрез с мнением матушки-церкви. Сиречь с Орденом Светоносного, где, как и везде, были свой Первосвященник, его помазанники, потом более низкие ранги, вплоть до простых жрецов. Но был еще и Орден Карающей Длани, который служил Валлиону чем-то вроде средневековой инквизиции. С той лишь разницей, что до костров дело не доводил, а занимался в основном порождениями Айда – Тварями, которых по непонятной мне причине было в округе просто немерено.

С ними, естественно, активно боролись, причем не только жрецы, их упорно уничтожали… однако Тварей почему-то меньше не становилось. И тетушка Айна не смогла объяснить, почему это так.

– Айд силен, – только и сказала она грустно. – Невирон дает ему много пищи для жизни. Все, на что хватает жрецов Аллара, – это сдерживать их по мере сил и возможностей. Думаешь, Вольница была создана просто так? Нет, милая, там тоже идет война. Но даже рейзеры не в силах ее выиграть.

Я хмурилась, но в данный вопрос решила пока не углубляться. Сейчас не время для этого: дела бы попроще решить, а с другими проблемами буду разбираться по ходу их поступления, иначе точно с ума сойду. Тем более что старушка утверждала: в Валлионе Твари почти не встречаются. Так что шансов нарваться на этих непонятных зверей, или, правильнее сказать, нежить, было немного.

Со слов Айны выходило, что выбросило меня на западе Валлиона, на территории Суорда, эрхас которого был вполне лоялен по отношению к мелким шейри и связанным с ними ведьмам. Ведьмами, к слову, этих женщин называли потому, что они действительно получали некоторые способности, заключив с шейри своего рода договор. Подробностей, разумеется, Айна не сообщила, но не думаю, что здесь не знали о кровавых подписях и продаже собственной души в обмен на могущество. Правда, старушка на мое робкое предположение насчет продажи души только посмеялась, однако столь натянуто и напряженно, что я не рискнула развивать данную тему.

Итак, Суорд расположен сравнительно недалеко от нужных мне эаров. Но чтобы туда добраться, следовало пересечь почти по прямой еще два эрха. В том числе Дагон, владетель которого сильно не любит всякую нечисть. Из этого следовало, что светиться нам с котом перед населением Дагона никак нельзя. А в свете того, что мне рассказали о местных обычаях и роли женщин в семейном укладе, получалось, что мне вообще надо было родиться мужиком. Потому что одну, да в сопровождении шейри, да на Заброшенном Тракте… короче, меня или сожрут, или пристрелят от греха подальше, или же примут за гулящую девку со всему вытекающими последствиями. Потому что верная жена здесь представлялась тихим ручным зверьком, который не решается в доме даже голос подать. А если и решается, то лишь в момент трудных родов или же когда возникнет спор с соседкой о судьбе забредшей во двор незнакомой курицы. Тогда как муж для нее – царь, хозяин и бог. Правда, знати позволялось несколько больше, чем простолюдинам: знатные дамы могли себе позволить

появиться на улице в сопровождении не мужа или брата, а простых телохранителей. А поскольку на знатную даму я никак не тянула, то и выход у меня был лишь один.

– Прятаться тебе придется, милая, – с виноватым вздохом завершила мои рассуждения ведьма. – И шейри прятать от чужих глаз. Не ровен час увидят, потом и не докажешь ничего. А уж если вдруг Дагону на глаза попадешься…

– До эаров в этом случае, полагаю, точно не доберусь вовремя, – мрачно озвучила я свои невеселые мысли. – В общем, по Заброшенному Тракту пойду. Народу там немного. Барсик предупредит, если ты права, о появлении гостей. От Тварей, если наткнусь, полезу на дерево. А уж если нарвусь на кого живого, то натяну шапку поглубже и буду изображать юного дурачка, ушедшего из дому в поисках лучшей доли.

– Ну… примерно так, – вынужденно согласилась знахарка.

Барсик, на мгновение сунув нос в дверь, недовольно мяукнул и снова исчез, одарив меня презрительным взглядом. Ну не паршивец, а?

– И как я с ним пойду? – грустно спросила я в потолок.

– Он будет слушаться, – снова заверила меня тетушка Айна. – Только привыкнет немного и будет. Шейри все такие. Но напакостить тебе он не сможет – нет у него такой силы, чтобы хозяйке вред принести.

Я вздохнула.

– И то хлеб.

А потом попросила ее еще раз объяснить мне про деньги.

Выходила я из землянки ранним утром следующего дня. Полностью собранная, экипированная по последнему слову средневековой моды и заметно нервничающая.

На пороге еще раз проверила свеженашитые карманы, похлопала по груди, убедившись, что заветный мешочек со скудными ведьмиными сбережениями на месте, бросила быстрый взгляд на приютившееся на полке кривоватое зеркало и вздохнула: в жизни не выглядела ужаснее.

У меня довольно неплохая фигура, хотя, конечно, до модельной ей пока далеко. Ну, чуть узковатый таз. Чуть крутоваты бедра. Чуть тяжеловата из-за этого поступь и давно не тренированная – увы, я лентяйка! – задняя филейная часть, но зато ноги от самых ушей. К тому же силикона я никогда не носила, а по поводу верхнего, второго с плюсом, размера не комплексовала. И химию на голове не уважала, потому что мои волосы и без нее немного вились на кончиках, по-настоящему раздражая только в дождливые дни, когда пытались свернуться в мелкие бараньи колечки. Кстати, волосы у меня русые, недлинные – не люблю возиться с прической, – приятно густые: мамино наследие. Тогда как от отца досталась несколько мальчишечья фигура, чуть вздернутый на кончике нос и совершенно обычные светло-серые глаза. Не скажу, что прямо писаная красавица, но и на отсутствие мужского внимания пожаловаться не могу. Другое дело, что однажды оно, это внимание, мне вышло боком и с тех пор я настороженно отношусь даже к тщательно завуалированным ухаживаниям. Но во всем остальном – ничего экстраординарного.

Вот только при виде меня вышедшая из землянки ведьма вдруг покачала головой.

– Плохо. Не наша ты, чужая… трудно будет затеряться.

– Почему? – озадачилась я, пытаясь оглядеть себя со спины.

Да бог с ним, с плащом, что криво сидит. Авось и не заметит никто. Ну, куртка великовата да рубаха с чужого плеча. Но не свою же надевать, когда придется по лесу топать две недели? Пусть лучше в мешке полежит, чем я потом умучаюсь ее отстирывать. Со штанами чуть лучше, потому что их прежний владелец не был толстоляхим лежуном, но на мне и они смотрелись слишком большими.

И чего старушка так неодобрительно смотрит?

– Высокая ты. Спину слишком ровно держишь, – наконец соизволила пояснить она. – И голову больно задираешь. Только эр-дассы[2 - Эр-дасса – дворянский титул.] могут позволить себе так ходить – прямо, ровно, почти не глядя под ноги.

Я потупилась: старушка права – при моем росте, метр семьдесят с кепкой, она почти на голову ниже меня. Если уж тут все люди такие, как она, то я, куда бы ни отправилась, действительно буду выделяться. Да и насчет остального правда: мама всегда учила меня не вешать нос и нести себя по жизни, как королева. А тут, оказывается, гордая женщина – это порок, а женщина независимая – нонсенс. Ни шагу нельзя ступить в сторону от канонов. Дом, семья, дети – вот и вся женская доля на Во-Алларе. Грустно, да? Ни про феминизм, ни про эмансипацию, ни просто про равноправие полов никто даже слыхом не слыхивал. И как тут выжить? Как извернуться, чтобы ничего не испортить? И как пересечь треть страны, никому не попавшись на глаза?

– Гордая ты, – окончательно расстроила меня бабушка, по-прежнему пристально изучая, как какую-то диковину. – И по жизни идешь, будто преград не ведаешь и точно знаешь, что обязательно победишь.

– Я так привыкла, – вздохнула я виновато.

– Да уж вижу… но это в общем-то и неплохо. Только учти: пока уму-разуму не наберешься, внимание к себе не привлекай. Иди полями. Попутчиков избегай. Лучше издалека подмечай, кто где едет, и в сторону сразу уходи, пока не поймешь, с кем можно рядом пройти, а с кем нельзя. В разговоры не вступай, даже если предложат. На встречных прямо не гляди. Запомни: лучше мухой над лугом пролететь, не потревожив чуткий сон охотника, чем промчаться мимо него гордым оленем и получить стрелу в бок. А наши девки так, как ты, не ходят. Первыми разговоры не начинают – не положено. И не смотрят в упор на встречных – прыснут по сторонам и очи опустят. А коли при муже, то и того меньше: муж, если заметит, и по хребтине может вытянуть. Так что не вздумай норов показывать. Поняла?

– Тогда мне лучше вообще топать одной, – насупилась я, сердито сверкнув глазами. – И лягушками питаться по пути, чтобы с голоду не помереть.

– Не сможешь, – сурово припечатала меня ведьма. – Не лесной ты человек. Не приучена.

Вот же засада! Но и это – сущая правда: не приучена я к лесу. Так, краешком когда-то коснулась вольной жизни, консервами да кашами в котелке попиталась, но не больше. А на самом деле сомневаюсь, что долго протяну без хлеба и соли. Или без хорошо прожаренного мяса. Но в деревни пока нельзя: засекут меня с моим-то ростом да при моих привычках. И кота не знаю, куда деть. Вдруг подставится? Или меня под эшафот подведет? Одно хорошо: еды Айна мне в достатке дала. Даже не знаю, себе оставила ли? Правда, едва я заикнулась спросить, милая старушка так свирепо зыркнула, что я от неожиданности чуть язык не прикусила. Вот тебе и бабушка – божий одуванчик. Вот тогда-то я и поверила, что она ведьмой не случайно зовется – в ее глазах такая сила вдруг мелькнула, что даже мне, выращенной на хитроумных страшилках и телевизионных ужастиках, стало изрядно не по себе.

Больше я ни о чем не спрашивала и молча брала все, что давали. Поэтому стояла сейчас, слегка пошатываясь под непривычной тяжестью немаленького мешка и с тоской думала о том, что запас продуктов придется беречь до последнего. Где я потом еще достану? В трактирах много не купишь – разоришься. Денег почти нет. А идти-то далеко. Разве что охотой как-то промышлять?

Я машинально потрогала свое единственное оружие – старый бабкин нож, которым она еще вчера резала подсохший, недельной давности хлеб из какого-то местного злака. Нож относительно короткий, с мою ладонь, заточен лишь с одной стороны и прилично туповат. Но дареному коню, как говорится… ничего лучше у Айны не было, а мне сейчас и такой нож – поистине царский подарок. Не говоря уж о том, что запасов соли она мне отсыпала столько, что на месяц хватит.

Ладно. Пора, что ли?

Я тяжело вздохнула, еще раз покосилась в старое зеркало, мысленно попрощавшись со своим отражением. Подумала, не забыла ли пихнуть в мешок костяной гребень, и с сожалением отвернулась. Вот и все. Вот и собралась я черт знает куда. Вот и начала свой путь в совершенно неизвестном мире, как какой-нибудь геймер в онлайновской «игрушке», где все, как известно, начинают с такого вот первого и самого простого квеста. Так сказать,

для дураков.

Странно…

Я вдруг задумалась: но ведь это же и есть игра… со своими правилами, со своим тщательно продуманным миром. Со своими персонажами. Оружием. Государствами. Горами, землями и озерами. А я в ней – просто-напросто игрок. Самый обычный. Экипированный по минимуму, но готовый идти дальше. Игрок, перед которым сейчас открыты все дороги. У меня, как у всякого игрока, есть первое персональное задание – добраться до эаров и снять с себя их дурацкий браслет. Есть плохонькое подобие карты в голове, по которой будет не так уж сложно отыскать нужный адрес. Есть какой-никакой проводник, с которым, как мне кажется, проблем потом не оберешься. И есть куча решимости пройти этот квест до конца.

Ну вот, все не так и плохо.

Да что я, игрушек в своей жизни не видела? «Ведьмаком» или «эльфом» по чужим лесам не бегала?! Елы-палы, да я у себя в Гильдии когда-то на первых ролях была! Чуть ли не на Гильд-Мастера баллотироваться собиралась! Танком кидалась на всяких там дьяблов! Разведчицей носилась, по кустам стреляя из арбалета! Феей летала, грифонов оседлывала, с драконами беседы вела. А тут… всего-то?! Ну и что, что игра стала реальностью? Если я буду думать о ней, как о настоящей, то могу и правда свихнуться. А так… регулярно напоминая самой себе, что все понарошку, я постепенно привыкну. Обживусь. И уже тогда не буду чувствовать себя здесь чужой.

Поймав носом игривый солнечный лучик, я впервые за двое суток позволила себе улыбнуться.

А что?

Чем, скажите мне, это не игра?

Так что вперед и с песней – ничего другого просто не остается. Но зато если выберусь и отыщу тех, кто во всем этом виноват…

Заслышав тихий смешок со спины, я решительно тряхнула головой, едва не уронив с макушки неказистую шапку. Попрощалась с тетушкой Айной. Отогнала ненужные фантазии. Хмыкнула на свою жалкую попытку уговорить сознание больше не скатываться в противное уныние. Потом подтянула врезающиеся в плечи лямки и, свистнув пропавшему в лесу коту, бодрым шагом двинулась прочь.

Отступление 2

– Брат? Это снова ты?

– Да. Хотел сказать: не спеши с Началом. Я решил дать твоему Игроку немного времени.

– Игрок не мой.

– Ты его ввел, значит, твой. Они всегда получаются твоими.

– А ты слишком сильно отдалился от дел. Кроме того самого раза… кхм… так что, пожалуй, соглашусь с тобой насчет Игрока. Не завидуешь?

– Зависть – чисто человеческое чувство, брат. Что же касается Игрока, то пока у меня нет возможности им заниматься. Пусть сперва освоится и привыкнет к нашему миру – так Игра получится гораздо интереснее.

– Сколько даешь времени?

– Не больше полного солнечного оборота. Хотя мы, если помнишь, ждали и дольше.

– Помню, брат.

– Я рад, что ты согласен. До встречи.

– До встречи, брат… хотя мне почему-то кажется, что она состоится гораздо раньше, чем ты думаешь.

Глава 4

Я с облегчением вытянула гудящие ноги и подбросила веточек в разгорающийся костер. М-да-а… если я каждый день буду отматывать километров по десять утром и еще столько же после обеда, то доберусь до эаров только к началу зимы. Машину бы сюда или велосипед, на худой конец, но где уж там – похоже, я даже хромым ослом не могу разжиться, потому что банально не хватает денег.

Я с тихим вздохом пристроила над огнем рогатину и подвесила котелок.

Вот тебе и будни туриста. Сижу, разглядываю весело пляшущие язычки пламени. С радостью вспоминаю свою зажигалку, которой мне однажды дали сдачу в каком-то обшарпанном ларьке и которая лишь чудом умудрилась пролететь вместе со мной через черную дыру в кармане джинсов. Если бы не она, я бы еще два часа мучилась с бабкиным огнивом, старательно добывая искру. А так – сижу, кутаюсь в старый плащ, сдуваю с лица надоедливых комаров, с тоской вспоминаю благословенные репелленты и перебираю мелкие крупинки в полученном на дорогу мешке. А еще отдыхаю… наконец-то я отдыхаю!

Каша у бабки была странной – наваристой, смутно напоминающей по вкусу гречку, но по виду – точь-в-точь перловка. И варится, как выяснилось, почти так же долго: бабуля ее вчера почти час мурыжила в этом же самом котелке, прежде чем дала мне попробовать. Но у меня время пока есть – еще часа два минимум я никуда не встану. Ноги уже как чугунные, да и спину ломит от непривычного груза. Лучше сейчас подольше посижу, спокойно перекушу, а потом разомнусь и потопаю дальше. Благо дорога тут одна-единственная, поэтому заблудиться в принципе невозможно.

Заброшенный Тракт, кстати, особого впечатления на меня не произвел – дорога как дорога. Старая. Нехоженая лет, наверное, десять, если не больше. Хотя, признаюсь, она приятно порадовала меня наличием древних, местами разбитых, но все же сравнительно удобных для пешехода каменных плит. Если бы дело

происходило дома, я бы только фыркнула, но в этом мире до асфальта было как до Луны пешком, так что уложенные одна к другой, почти метр в ширину и около двух в длину плиты – видимо, из песчаника? – наверняка считались здесь верхом инженерной мысли. И свидетельствовали скорее о том, что его величество король Валлиона (не знаю, как там его зовут) здорово потратился на обустройство местной инфраструктуры. Все же не песок, не земля, не булыжники… а именно плиты. Специально обтесанные и с трудом привезенные черт знает из какой дали. Причем когда-то явно ухоженные и плотно подогнанные… в общем, думаю, мне еще круто повезло. Не то шлепала бы по раскисшей грязи и проклинала все на свете. А здесь – дорога, настоящая, ровная и почти прямая. Одно удовольствие идти. Цивилизация, однако. Средневековая. Гм.

Зато когда мне, ко всему прочему, вдруг встретились старые, обгрызенные кем-то неизвестным опасно покосившиеся столбики, на которых, если присмотреться, можно было заметить какие-то закорючки, я пришла в полный восторг и была готова с уверенностью заявить любому скептику, что дорожный вопрос в Валлионе решался на самом высоком уровне. Ведь, заметьте, я шла по Заброшенному, пользующемуся дурной славой Тракту. Но пока из признаков серьезного запустения видела только разросшиеся кусты вдоль обочин и пробивающуюся в стыках траву. Ну, пыль и соринки под ногами не в счет. И если прикинуть на глаз да сравнить это с нашей российской историей, то… Хотелось бы мне глянуть на дорогу, которой валлионцы пользуются регулярно! Думаю, это будет действительно нечто!

В ближайшую деревню я, по совету тетушки Айны, не пошла. Пока у меня и еды хватало, и особой необходимости подкупать что-либо не было. Старенькое одеяло вполне сходило за потертый спальный мешок, плащом я могла укрыться ночью по самую макушку, чтобы не радовать комаров бесплатным ужином. Огонь добыть, слава зажигалке, умела. Приготовить еду в небольшом котелке – тоже. Воды в текущей вдоль Тракта речушке было навалом. Так что еще мне, по большому счету, нужно?

Я настороженно принюхалась к рубахе и облегченно улыбнулась: слава богу, излишней потливостью я никогда не страдала. Хотя, признаться, сильно опасалась, что, оставшись без средств гигиены, окажусь в довольно щекотливом положении. Однако мыло тут уже успели изобрести – правда, жидкое, но зато душистое и напрочь убивающее всякие неприятные запахи как минимум на полдня. А уж как оно волосы распушало… мм… я потрясла мокрой макушкой

и с приятной истомой стерла капельку влаги со лба.

Глубину местной речки без названия я измерила буквально полчаса назад и осталась крайне довольной – как самой речкой, так и крыночкой с мылом, и особенно бабулиным гребнем, после которого мои веселые кудряшки послушно распрямились и красивой волной упали до середины спины.

Одна накануне у меня была серьезная проблема, о которой приличные девушки не говорят вслух. Но избежать ее я при всем желании не смогла бы, потому что женские циклы вряд ли сделали бы скидку на мое бедственное положение, а до нормальных средств личной гигиены этот мир явно не дорос. Хорошо, что тетушка Айна быстро поняла мои затруднения и сварганила какой-то отвар, который, по ее словам, должен был на целых полгода избавить меня не только от этой деликатной проблемы, но и сработать заодно как противозачаточное средство. Правда, к чему оно мне, я понятия не имею, но запас карман не тянет: волшебного сбора я взяла столько, что его хватило бы лет на пять безбедной жизни. А это, согласитесь, серьезный повод для хорошего настроения. Если, конечно, вы – женщина и хотя бы примерно представляете, что такое… простите… критические дни.

Дождавшись веселого бульканья, я высыпала горсть крупы в закипевшую воду и, сдунув с носа очередного кровопийцу, улеглась на расстеленное одеяло.

Плохо другое: мой проводник с самого утра носа не кажет. Даже не знаю, идет ли за мной или решил у бабки остаться… короче, пропал мой Барсик. Уже к полудню время, а он так и не появился. Я сперва его даже звать пыталась, но он, если и слышал, то на новое имя откликаться не пожелал, так что очень скоро я плюнула и пошла одна, уже не заботясь о том, есть ли он поблизости или бросил меня вопреки бабкиным обещаниям.

Что касается местной природы, то могу описать ее двумя словами: нетронутая и дикая. В ботанике я не сильна, так что не имею возможности классифицировать попавшиеся мне на пути растения. То, что кусты и деревья – это я еще отличу, но к какому виду относятся – увольте. Единственное, что я углядела знакомого, – это нечто колючее, смутно напоминающее наши российские сосны. Только почему-то с голубыми иголками и с ветками до самой земли. Голубые сосны, так я их про себя назвала, помня про то, какими роскошными у нас когда-то во Дворце пионеров были такие же голубые ели. К тому же их тут так много, что иногда это великолепие навевало

ностальгические мысли о доме, которые я, разумеется, тут же гнала поганой метлой, чтобы ненароком не раскиснуть.

В остальном все привычное. Трава как трава. Цветы как цветы – синенькие, желтенькие, красненькие. На ветках какого-то куста висели незнакомого вида желтые плоды, но пробовать я их не решилась. Вдруг волчья ягода? Или какая-нибудь другая пакость? Нет уж, пока не разберусь, буду есть только то, что взяла с собой. Не надо мне диареи – никаких лопухов на нее не напасешься, уж простите снова за подробности. Но тут уж таковы реалии – с мягкой бумажкой тоже был напряг. Как, впрочем, и с зубной пастой, и с «диролом», и с кучей других важных мелочей, которых в повседневной жизни мы не замечаем, но которых, оказывается, временами очень сильно не хватает.

Дождавшись, пока каша дойдет до кондиции, я осторожно сняла котелок с огня и поставила остывать.

Ух, ну и запах! Вот когда я почувствовала, что проголодалась! Но придется малость подождать, чтобы остыла. Думаю, полудюжины минуток будет вполне достаточно… кстати! Забавно, что время и вообще многие другие вещи здесь считали не по три-пять-десять единиц, а дюжинами и полудюжинами.
К примеру, в году тут, как и на Земле, было двенадцать месяцев, в месяце – ровно три дюжины дней или ровно шесть полудюжин; чуть больше, чем у нас, ну да не намного. Год, соответственно, тоже длиннее: четыреста тридцать два дня, а не триста шестьдесят пять, как я привыкла. Недель как таковых, соответственно, не было, потому что вместо семидневки люди жили по шестидневной системе, но это, на самом деле, даже удобнее – временные отрезки всегда равные и строго одинаковые, без всяких там тридцать первых чисел или високосных годов. Далее, в одном дне насчитывалось две дюжины – ну, это нам знакомо! – часов, которые звались здесь не часами, а малыми оборотами, а чаще всего просто оборотами. В одном часе-обороте – все те же, какое счастье! – родные шестьдесят минут, вернее, не минут, а мин, или минок, однако считать время минутами опять же было не принято. Стандартным временным интервалом считали дюжину минок, или, по-нашему, двенадцать минут. Таким образом, в одном обороте было пять дюжин минок, в одной минке – ровно шестьдесят син, по-нашему секунд. В сутках различали светлую половину – первая дюжина оборотов, то есть как раз до полудня – и, естественно, половину темную, то есть время с полудня до полуночи. Иными словами, система отсчета смутно напоминала английские «a.m.» и «p.m.».
В целом не слишком сложно, но ужасно непривычно.

Касательно денег такая же история: довольно простая двенадцатеричная система счисления. Бумажных денег, как я и предполагала, здесь не было, так что на будущее, если разбогатею, придется обзаводиться приличным по размерам кошелем. Мошной, то есть. И заодно задуматься над тем, куда ее пристроить, чтобы не свистнули на каком-нибудь рынке. Банков, естественно, не было. О векселях и кредитах народ понятия не имел. Расплачивались натурой, в основном крестьяне, или деньгами – те, у кого они водились. Самая мелкая монета называлась «лат» и по стоимости приравнивалась примерно к советской копейке. Двенадцать лат, опять та же дюжина, приравнивались к одной лире, соответственно медной, серебряной и золотой, а двенадцать лир – к одному лару. Достоинства те же – медь, серебро и золото. Причем последний – самая крупная монета не только на территории Валлиона, но и на территориях сопредельных государств. Хотя оно и понятно: золото всегда остается золотом, и если замены ему пока не придумали, то цениться оно везде будет одинаково. Что, с одной стороны, вынуждает состоятельных людей таскать с собой весьма увесистые кошели, а с другой – позволяет не заморачиваться на курсах валют. К тому же эквивалентом золоту могли служить драгоценные камни, которые, кстати, и носить удобнее, и ценность их оказывалась не в пример выше, чем у чеканных денег.

К слову сказать, тот факт, что на всей территории Валлиона, да и не только там, процветала единая денежная система, в довесок к единой религии и весьма похожим законам, снова возводило королевство в моих глазах в ранг обычной империи. Но тут, видимо, разницы просто не видели, так что в анналах истории Валлион испокон веков назывался королевством. Несмотря на свои немалые размеры, наличие каких-то заселенных островов в Дальнем море и тех нюансов, которые я успела выяснить вчера у тетушки Айны.

Так. Что-то я отвлеклась.

Вспомнив про кашу, я потянулась к котелку, предвкушая настоящее блаженство, но после первой ложки задумалась и погрустнела: кажется, забыла посолить. Пришлось со вздохом снова лезть в мешок, мешать густое варево с крупными сероватыми крупинками соли и снова ждать, пока они немного растворятся. Вот такая я туристка – о самом элементарном забыла. А если бы мясо жарила?

Вяло пожевав невкусную кашу вприкуску с черствым хлебом, я слегка ожила, но потом поняла, что долго прохлаждаться не могу. Пришлось вставать, сворачивать лагерь, спускаться к реке, чтобы наполнить кожаный бурдюк

водой… фляги у ведьмы просто не было… затем снова подниматься, пыхтя и отдуваясь на крутой горке. Наконец, прийти к оставленным вещам и… обнаружить, что какая-то наглая сволочь с чавканьем пожирает мою еду!

– Ах ты зараза!..

От моего вопля внезапно нашедшийся Барсик подлетел аж на полметра, во всей красе продемонстрировав свое раздувшееся пузо. Истошно мяукнул прямо в полете. На пару секунду завис в воздухе, как дельтаплан, широко растопырив лапы и неистово вертя пушистым хвостом. Но наконец земное притяжение пересилило: кот с оглушительным хрустом свалился в сочную траву. После чего развернулся, припав на полусогнутых, затем поднял перемазанную в каше морду и гневно посмотрел на меня.

– Ты где шлялся, нахал? – возмутилась я, осознав, что теперь придется спускаться к реке в третий раз и отмывать котелок. – И по какому праву трескаешь чужое?

Кот громко зашипел, прижав уши к голове. А уж глазами меня буквально прожигал, будто не он сейчас нагло мою еду воровал, а я у него из миски свежих сливок отхлебнула. Правда, длилось это недолго – смерив меня злобным взглядом с головы до ног, он презрительно фыркнул, выпрямился, а потом неторопливо ушел, слизывая с морды остатки моей несоленой каши.

Я едва удержалась, чтобы не запустить в него наполненный бурдюк.

– Барсик!

– Ш-ш-шр!

Скотина какая! Он еще и недоволен! Я с утра чуть голос не сорвала, пытаясь до него докричаться, потом решила, что топать мне придется без проводника, а он, оказывается, все время был неподалеку! И наверняка ведь слышал, гад, что его зовут! Вон как хвостом дернул – понял, сволочь, что я к нему обращаюсь, но даже ухо не повернул! Зараза!

Я со злостью проводила глазами исчезающую в траве черную спину, борясь с острым желанием догнать и оттрепать гаденыша за шкирку, но потом плюнула и с ворчанием отправилась отмывать котелок. Хрен с ним. Раз явился сейчас, значит, не обманула бабка – пойдет со мной и дальше. А раз так, то убивать его пока не стоит – может, и правда пригодится. Но уж если он только жрать горазд и настроение мне портить, то пусть пеняет на себя: хамство терпеть я даже от кота не стану. А уж от демона – тем более. Хотя какой он, к черту, демон? Так, бесенок мелкий. Нечисть сопливая. Скотина мохнатая, которую никто не учил правилам хорошего поведения.

Будет время – займусь, а пока руки в ноги и – вперед.

К вечеру я устала еще больше и, признаться, даже начала подумывать о том, что здорово запустила себя в плане физической формы. Надо было хоть фитнесом позаниматься или на аэробику походить. Глядишь – и не была бы сейчас как выжатый лимон.

Шапку я сняла уже давно – после полудня стало жарко. Плащ вообще стянула почти сразу – неудобно, а куртку распахнула до пупа. Но вот ботинки, к сожалению, деть было некуда, потому что босиком по шершавым плитам не больно-то погуляешь. К тому же я так и не успела выяснить, есть ли тут змеи. А если есть, то какие из них ядовиты. И вообще я почти ничего не знала про местное зверье, кроме того, что вблизи людского жилья крупные звери вроде как не водятся.

В общем, невеселый у меня выдался вечер. А когда над Трактом сгустились плотные сумерки, я обнаружила очередной свой промах и запоздало сообразила, что зря так долго шла. Привал на ночь надо было делать раньше. Еще когда глаза могли различить в чаще какое-нибудь подобие полянки, и к ней не пришлось бы продираться почти в полной темноте, потому как следопыт из меня неважный, а заблудиться в незнакомом лесу – проще пареной репы.

Вот же засада.

Я быстро огляделась, выискивая хоть какой-то просвет в буйно разросшихся вдоль обочины кустах, но тут, на мое счастье, из-за тучки выглянула желтая луна. А вслед за ней появилась и вторая – красновато-рыжая. Удивляться я уже

не стала – видела вчера эту красоту, а сейчас меня тем более никакие прелести лесного пейзажа не волновали. Мне нужен был привал. И нормальное место для ночевки. Без муравьев, болота и пиявок под боком. Без туч голодных комаров. И хоть с каким-нибудь укрытием от возможного дождя. Что-то небо к вечеру нахмурилось…

Через полчаса мытарств подходящую поляну я все же отыскала, но мысленно сделала зарубку на память, чтобы больше не попадать впросак. И еще напомнила себе, что надо серьезно разобраться со своим мохнатым проводником, который, разумеется, после обеда даже не подумал показаться на глаза.

Костер у меня тоже получился далеко не сразу: за дровами пришлось лазить по всем ближайшим оврагам, то и дело чертыхаясь и оставляя на колючках клочья единственной чистой рубахи. Она и так-то на ладан дышит, а если я ее еще и изорву, то вообще дальше придется голышом идти. Ну или собраться завтра с духом и выстирать ту, которую я сняла этим утром.

Ур-ра! Загорелось!

Боже, как мало иногда надо для счастья… блаженно завернувшись в плащ и подтянув под себя голые пятки, я завороженно уставилась на огонь, попутно отскребая от котелка остатки каши. Да, я ее все-таки не выкинула, как собиралась, потому что решила, что пищей в моей ситуации разбрасываться – грех. Пусть черный нахал успел слямзить оттуда совсем немного, но я ту часть тщательно отделила и выбросила, а остальное накрыла чистой тряпицей и взяла с собой, уже точно зная, что с такими прогулками к ночи оголодаю, как столетний вурдалак.

Это оказалось мудрым решением (единственным, наверное, за целый день!), потому что сил и желания готовить не было никаких. Поев, я плеснула в котелок воды, вскипятила, решив, что отдраю прилипшую кашу завтра поутру, благополучно свернулась калачиком и, накрывшись плащом, закрыла глаза.

Как ни странно, но за весь день у меня почему-то не возникло чувства сиротливого одиночества. Я не ощущала себя здесь лишней. Наоборот, почему-то показалось, что я именно сейчас получила возможность открыть себя заново. Именно здесь. В каком-то странном мире. В лесной глуши, где, кроме меня,

не было никого на сотни километров вокруг. Тишина, красота, благодать…

Впрочем, шумные компании я уже давно не любила. Просто не видела в этом смысла. Да и вообще, если подумать, вся моя прежняя жизнь была сплошной цепочкой разочарований. Сперва – в маленьких детских радостях, от которых взрослые почему-то хмурились и вполголоса ругались. Потом – в собственных устремлениях, потому что, как говорили все вокруг, они у меня совершенно неправильные. Потом – в учебе. В работе. В недолгих приятельницах, которых, как правило, не интересовало ничего, кроме побрякушек и тряпок. В молодых людях, рядом со многими из них мне было скучно, а с особо настойчивыми – неприятно. В едва не случившейся любви, в которой мне пророчили волшебное будущее и с которой нам в итоге оказалось не по пути. В маленькой квартирке на окраине одного из спальных районов, снимаемой из извечного юношеского упрямства и желания полной независимости от предков. В работе, где не было почти ничего заслуживающего внимания. В коллегах, в соседях, в отношениях с рано постаревшими родителями, с которыми мы год от года находили все меньше тем для совместных разговоров… пожалуй, в той жизни не осталось почти ничего, что держало бы меня на прочной привязи. Я всегда искала чего-то необычного. Всегда стремилась к чему-то новому. А сейчас…

Я устало зевнула и вдруг поймала себя на мысли, что ни о чем не жалею. И не испытываю особого душевного дискомфорта. Все мои неприятности – это мелкие неудобства городского жителя, неожиданно попавшего в тайгу. Но их, как оказалось, можно пережить. Для этого даже жилы рвать не потребуется – просто немного терпения, загнать подальше гордыню и брезгливость, и пожалуйста. Дойду я до этих эаров. За две недели уж точно дойду.

Одиночество мне не внове – последние годы выдались у меня на редкость пустыми. Никаких привязанностей. Никаких близких друзей. Даже родители еще год назад решили уехать в Болгарию, поближе к морю и красивой жизни. В ближайшие несколько месяцев они меня даже не хватятся: Интернет пока не освоили, а письма у нас в Россию до сих пор, бывает, теряются по пути. Так что за них я не волновалась. Пока. А уж за себя как-нибудь постою.

Кстати, права была бабка: упрямство у меня в крови. Как и неистребимое любопытство, впрочем. Его уж точно не убьешь никакой усталостью и никакими трудностями. Пожалуй, даже наоборот: чем сложнее задача, тем она интереснее. А уж если дело касается той загадочной игры, в которую втянул

меня умирающий эар, то это еще надо посмотреть, кто в итоге пострадает больше. Может, я еще благодарить его стану за этот неожиданный подарок судьбы. А может, и нет. Кто знает?

Уже засыпая, я по обретенной недавно привычке потеребила серебряный браслет, но убедилась, что он прочно сидит на запястье, впиваясь краями в уже побелевшую от давления кожу, и оставила его в покое. Пока не болит, и ладно. Да и холода я уже почти не ощущала. Привыкла, что ли? В любом случае носить мне это украшение долго. Главное, успеть до того, как неизвестный срок полностью истечет. Но, наверное, эар не дурак был, давая мне всего несколько суток форы? Знал ведь, наверное, что от того места, где его шлепнули, требуется две недели… в смысле, примерно дюжина дней, чтобы добраться до его родичей. Ему же не нужен бесполезный труп? Соответственно, и срок должен быть хотя бы равен полумесяцу, иначе и начинать не стоило. А за такой период я уж в любом случае что-нибудь придумаю. Или коня найду, или попутку какую подхвачу, или на эаров наткнусь… чем черт не… ах да! – надо теперь говорить не «черт», а «Айд», чтобы не проколоться. Так вот – чем Айд не шутит? Вдруг мне опять повезет, как в той черной дыре? Или, может, кот на что-то сгодится?

Успокоившись таким образом, я снова зевнула, подложила под щеку ладонь, со снисходительной улыбкой вспоминая свои турпоходы в Подмосковье, – сюда бы нашего говорливого инструктора, пусть бы посмотрел, каким бывает настоящий дикий лес! Но потом расслабилась и постепенно уснула, даже не ощутив, как в какой-то момент что-то изменилось вокруг, не услышав, как над головой что-то тихо зашептали склонившиеся до земли сосновые ветки, и не почувствовав, как к ногам что-то осторожно прикоснулось. Что-то мягкое, теплое и восхитительно живое.

Глава 5

Проснулась я рано, почти с рассветом. И проснулась, что удивительно, сама, хотя обычно мне надо часов до десяти поваляться в постели, чтобы почувствовать себя отдохнувшей. А поскольку на работу надо было тащиться к восьми, то сами понимаете, какой доброй я бывала по утрам. Здесь же – словно заново родилась. Никакой сонливости, вялости в теле. Даже мышцы не болели, представляете?!

Хотя вчера я их неслабо натрудила! В общем, мне отчего-то хотелось глупо улыбаться, скакать по поляне бодрым козликом и орать походные песни, радуясь непонятно чему.

За ночь, вопреки ожиданиям, я ничуть не замерзла и вообще не почувствовала, что спала на голой земле – одеяло не в счет. И это было довольно странно: в Валлионе сейчас начало осени. Даже со скидкой на более мягкий, чем в России, климат я вполне закономерно опасалась стать «счастливой» обладательницей заложенного носа. И пусть зимы здесь не в пример более теплые, пусть снег тут выпадает лишь на северной части территорий, пусть меня выбросило заклятием ближе к центру, где природа никогда не теряет сочной зелени, все равно – честно вам скажу: я приятно удивилась.

А потом протянула руку скинуть оказавшийся теплым плащ и удивляться перестала: мирно сопящий Барсик был таким горячим, что сразу стало ясно, почему я не замерзла. Шейри лежал смирно, свернувшись калачиком у меня под животом, и тихо сопел, блаженно закрыв глаза и даже, кажется, немного подмурлыкивая. Сейчас он выглядел милым и почти домашним зверьком, ничуть не напоминая вчерашнее взъерошенное, встопорщенное и озлобленное существо.

Я осторожно приподнялась и нерешительно поскребла кошачий затылок. Мурлыканье в ответ стало громче и отчетливей. Ну надо же…

Я немного приободрилась и почесала уже за ухом, надеясь, что не получу в ответ сразу двадцатью когтями по руке. Потом наконец совсем осмелела и погладила лоснящуюся шерсть.

– Барсик!

Реакция у кота оказалась отменной: подпрыгнув как ужаленный, он с громким шипением взвился на ноги. Затем увидел меня. Понял, что происходит. И с таким свирепым мявом метнулся в сторону, что я даже опешила.

Бог мой, да что с ним такое? Будто кипятком его ошпарили. Неужто я ему ТАК сильно не нравлюсь?!

Кот, отпрыгнув на край поляны и отгородившись от меня давно прогоревшим костром, юркнул в траву. На мгновение показалось, что опять сбежит, махнув на прощанье роскошным лемурьим хвостом, однако он только спрятался в местном варианте осоки, выставил оттуда недовольную морду и настолько гневно сверкнул желтыми глазищами, что я снова нахмурилась.

– Ну? И что на тебя нашло?

Тихое шипение в ответ.

– Что я тебе сделала?

Снова – шипение, а взгляд стал еще более яростным и лютым.

– Чего рычишь? – раздраженно спросила я, поднимаясь и отряхивая покрывшийся за ночь иголками плащ. – Я тебя, между прочим, с собой не звала. Не хочешь – скатертью дорожка. И так проблем хватает. То ты прячешься по полдня в лесу, то кашу мою жрешь без разрешения, то вопишь, едва дотронусь, и близко не подпускаешь, словно я тебя на живодерню сдать обещала… а потом под бок пристраиваешься, будто так и надо. Ты хоть сам-то знаешь, чего хочешь? Нет?

Кот утробно заворчал, по-прежнему не отрывая от меня горящего взгляда.

– Тогда, может, хоть сейчас определишься? – уставилась я в ответ.

Молчание.

– Слушай, – вздохнула я, отбросив плащ на слегка помявшийся мешок, использованный ночью вместо подушки. – Мне это не нравится. И ты мне не нравишься тоже. Моя персона, я так полагаю, тебя также не радует. Так, может, не будем портить друг другу жизнь? Может, разойдемся по-хорошему? Как в море корабли? И не делай вид, что не понимаешь, – я знаю, что это не так, Айна предупредила. Так что скажешь? Будем сотрудничать или нет?

Кот снова зашипел.

– Да черт возьми! Хватит уже, а? Можешь ты ответить по-человечески?!

– Могу, – неожиданно внятно сказал шейри, недобро сузив глаза.

Я от неожиданности чуть не села.

– Что?

– Я много чего могу, только тебе с твоим куцым умишком не понять.

Я завороженно наблюдала за тем, как шевелится кошачья морда и как гуляет в маленькой пасти розовый язычок, воспроизводя человеческую речь. Ух ты! Вот же попала! Ах да, он же шейри. Демон. Почему бы ему не говорить?

Я ошарашенно помотала головой.

Бред какой. Может, я еще сплю?

– Дура, – фыркнул Барсик, без труда прочитав отразившиеся на моем лице мысли. – Была дурой, дурой и останешься. Нормального шейри от кота отличишь не можешь. И понятия не имеешь, за что он тебе достался.

Я тихо села обратно на землю и обалдело воззрилась на болтающего зверя.

– Охренеть… ты разговариваешь…

– Я же сказал: дура, – Барсик с непередаваемым достоинством отвернулся. – Дура, что наткнулась на мага-эара. Дура, что отправилась в лес одна. Дура, что выбрала Заброшенный Тракт. Дура, что испортила отличную кашу. И дура, что не умеешь правильно выбрать место для ночлега. Надо было еще три оборота в потемках прошарить, чтобы до тебя дошло, что пора остановиться.

Я обалдела вдвойне. Но когда этот мерзавец развернулся ко мне тылом, продемонстрировав свой роскошный черный хвост и свое же отношение к моим действительно титаническим усилиям не рассмеяться истерично и не стукнуть себя по голове дубиной, чтобы отпустило, внутри что-то будто щелкнуло.
До меня внезапно дошло, что этот мохнатый гад не только все время тащился

следом, как привязанный, не только следил за всем, что я делаю, и ехидно комментировал про себя, не только мог предупредить насчет привала и той грешной щепотки соли, но еще и смеет высказывать свое мнение касательно тех нелепых ошибок, которые мне, как городскому жителю, были вполне простительны. А как несведущей в лесной жизни девушке, только день прожившей в совершенно чужом мире, простительны вдвойне. Тем более что про свои ошибки я отлично знала и, к слову сказать, вчера не раз обругала себя за недальновидность. Но я-то ладно, я уже зарубила на носу, как не надо поступать в будущем и каких подвохов можно ожидать от долгого путешествия по девственно пустому лесу, но когда мой же собственный кот норовит ткнуть носом в эти огрехи да еще с таким презрением смотрит издалека…

Честное слово, мне захотелось его пнуть.

– А ну стой! – рявкнула я, поняв, что могу опять не увидеть гаденыша до самого вечера. – Стоять, я сказала! Не смей уходить!

Барсик бешено зашипел, встопорщив шерсть на загривке, странновато присел, одновременно обернувшись, и ожег меня лютым взглядом янтарных глаз. Однако уйти не посмел. Видимо, бабка запретила. Он только застыл, как примороженный, и свирепо косился через плечо, готовый в любой момент сорваться с места.

– Живо развернулся и подошел сюда!

Шейри, как ожившая кукла, на одеревеневших ногах совершил неуклюжий разворот и подошел скованной, напряженной поступью. Морда каменная, неживая, хвост обвис, волочится по земле старой тряпкой, лапы не гнутся. Только глаза сверкают бешеными огнями. Но я в тот момент была слишком сердита, чтобы обращать на это внимание.

– А теперь отвечай! Значит, ты умеешь разговаривать?

– Да, – глухо проурчал кот, буравя меня злыми глазищами.

– И ты шел за мной по пятам?

– Да.

– Зачем?

– Я должен. Ты – моя новая хозяйка.

Я недоверчиво прищурилась.

– С каких это, интересно, пор?

– С тех пор, как Айна отдала меня тебе.

Я на секунду задумалась.

– Ну, отдала. И что?

– Ты – моя хозяйка! – с яростью прошипел кот. А потом снова добавил: – Дура!

– Слушай, ты… – с не меньшей яростью проговорила я. – Еще раз обзовешь меня, и сильно пожалеешь!

– А что ты мне сделаешь? – ядовито осведомился шейри, не двигаясь, впрочем, с места. – Убьешь?!

– Может, и убью, – буркнула я, как-то разом сдувшись.

– Силенок не хватит. К твоему сведению, меня, как и всех шейри, не возьмет никакое оружие… даже из адарона, уж не говоря про твой дурацкий нож.
И магии я тоже не поддаюсь, поняла?

– Ничего, я что-нибудь придумаю.

– Думай, думай… дура!

Наконец мое терпение лопнуло.

– Ну все… топал бы ты обратно! К Айне. Думаю, она будет безмерно рада. А мне такой проводник и даром не нужен. Обойдусь без твоей сомнительной помощи и твоего неприятного соседства. Все понял?!

– Я не могу вернуться! – неожиданно взвыл Барсик, странно присев и завертевшись на одном месте. – Не могу! Не могу!! Мне больше некуда возвращаться!!!

Я опешила.

– Это еще почему?!

– Потому что Айна умерла! Поняла, ты, дурища необразованная?! Она УМЕРЛА! И перед смертью меня отдала! Тебе, хотя у тебя нет на меня никаких прав!

– Как это… умерла? – неверяще переспросила я, вспоминая наше короткое прощание. И то, как старая ведьма грустно на меня смотрела. И как печально складывала вещи, отдавая последнее. И как сердито отмахнулась, когда я попыталась оставить ей хотя бы часть еды. И как быстро отвернулась, когда я разрешила себя обнять и коснуться губами лба… совсем по-матерински коснуться, ведь в каком-то роде она стала моей крестной матерью. В новом мире. После такого трудного возрождения. Боже… да я ведь собиралась к ней вернуться! После того как разберусь с эарами, непременно вернуться обратно и спокойно все обсудить, узнать побольше об этом месте, научиться чему-то в конце концов! А она…

– Почему? Как же так? – севшим голосом спросила я, откуда-то уже зная, что шейри не лжет. – Всего ведь день прошел…

Барсик тихо зашипел, перестал вертеться как юла и припал на передние лапы, будто перед прыжком.

– Потому и умерла, что меня отдала! Старая она стала! Сложно было со мной управляться! Ведьмы всегда так делают, когда приходит время! Ищут себе ученицу и, когда чувствуют, что слабеют, передают знания вместе со своими шейри! Так заведено! Каждый шейри служит лишь одному роду ведьм!
Но у Айны не было дочерей! Никого у нее не было, кроме меня! Поэтому и тянула она так долго! Поэтому и ждала благословения… тьфу!.. Аллара!

Я опустила плечи.

«Тебя послал мне сам Аллар…»

Так вот она о чем говорила… Ей позарез нужна была преемница, чтобы отдать кому-нибудь осмелевшего шейри. Он же демон. Нечисть. Не могла она его бросить без присмотра. И отправить обратно тоже, наверное, не сумела. Или не хотела? Кто знает… Главное, что она выбрала меня и, уже спроваживая в дорогу, точно знала, что настал ее час.

Мне внезапно стало тоскливо.

– Почему я? – тихо спросила я.

– Откуда мне знать?! Шейри не спрашивают, когда их отдают новым хозяевам! И что Айна в тебе нашла?! Ни силы, ни магии, ни дара… пустышка! Глупая, нелепая пустышка, от которой нет никакого прока! Как еще с эарами умудрилась связаться?! Как не прихлопнули тебя на том повороте?! Если б мастера не наткнулись, когда по пьяни решили проверить, кто из них смелее и пройдет по Заброшенному Тракту до первой реки, то и видеть бы мы тебя не видели! И не померла бы вчера Айна, едва тебя спровадила!

Я прикрыла глаза.

Вот теперь мне все стало понятно. Даже его злоба – еще бы, я же испортила ему все планы. Со старушкой он давно сжился, да и она к нему привыкла. Знала, чего от него ожидать, кормила, заботилась… наверное. А потом появилась я, и его, не спросив, отдали, как какую-то игрушку. Как вещь. Просто взяли и всунули незнакомой девице, велев вести ее к черту на кулички. А он ведь ведьмин кот. Магический, зараза. Ведьма его призвала когда-то, ведьме он и служить должен. Тогда как я – простая смертная, без дара и всяких магических способностей. Если бы таковые были, кот бы знал. Чует он магию, говорила бабка, а раз говорит, что нет, значит, я для него действительно – пустое место. Не по чину мне спутник достался.

– Почему ты пошел со мной? – нахмурилась я, чувствуя, что еще не все знаю. – Мог же сбежать? Мне тебя не догнать. Тем более в лесу. А ты пошел… зачем-то.

– А куда мне деваться?! – с яростью прошипел кот, хлестнув по воздуху хвостом. – Меня заклятие держит! Сильное! Хозяйка велела – и пришлось за тобой тащиться! У меня просто выхода иного нет, поняла?! Я к тебе теперь привязан! До самой твоей смерти! И должен вести, куда приказали!

Я нахмурилась еще сильнее: проводник, ненавидящий меня всеми фибрами души, мне не нужен. Особенно такой, как этот обозленный на весь мир демон. Но убить его я действительно не смогу – не приучена, как сказала Айна… мир ее праху… да и вряд ли что-то получится: он ведь не живой в полном смысле этого слова… демон. А что с ним теперь делать – ума не приложу.

– Отпусти меня, дура! – устав стоять как истукан, бешено взвыл шейри. – Дура… ну как есть дура! Кто бы прибил по дороге, чтоб мне больше не мучиться! Кто б спас от такой хозяйки, как ты! Век бы в услужении у него остался!

Я недобро прищурилась.

– Знаешь что, друг любезный… достал ты меня своими воплями. Я тебя не ждала и просить о такой компании Айну не собиралась. Терпеть тебя рядом я тоже не намерена. А уж истерики твои выслушивать – тем более. Так что шел бы ты… лесом! И чтоб больше на глаза мне не попадался! Все слышал?!

У шейри странно округлились глаза.

– Вали отсюда, понял?! – не выдержала я и махнула рукой. Но кот словно только и ждал разрешения: взвизгнув, как укушенный, он подпрыгнул, завертелся на месте, словно заводной волчок; затем взвыл, как ненормальный, а потом умчался так быстро, что только я его и видела. Один хвост мелькнул где-то за дальними кустами, но и он очень быстро пропал.

Помощничек…

Покачав головой и с облегчением убедившись, что отделалась от сложного попутчика, я потянулась за мешком и начала собираться.

Примерно к полудню злиться на Барсика я все-таки перестала. Куда-то постепенно ушла досада. Медленно, но неуклонно растворилась в дорожной пыли обида. И уже к вечеру мне стало понятно, что я в очередной раз некрасиво ошиблась. Прокручивая раз за разом в памяти это суматошное утро (а чем еще заняться, когда дорога сама ложится под ноги, а поговорить не с кем?), вспоминая Айну (и почему она мне ничего не сказала о своей смерти?) и злосчастного Барсика, в конце концов я пришла к выводу, что необоснованно погорячилась.

Да и сами посудите: этого шейри когда-то призвали сюда из… не знаю, откуда; к какой-то ведьме, возможно, не к Айне, а ее далекой предшественнице, и в обмен на даруемые им возможности – условно назовем заключенную сделку Договором – позволяли жить рядом. Но при этом сделали так, чтобы вырванный из привычного окружения демон не мог и слова поперек вставить. Айна как-то обмолвилась, что он не может причинить вред своей хозяйке… по крайней мере, до тех пор, пока она сильнее. И еще сказала, что чем дольше живет шейри, тем опаснее он становится.

Барсик, уверяла меня ведьма, очень слабый шейри. Хотя помощник из него мог получиться неплохой. И вот жил он себе, жил, горя не знал, но тут появляюсь я со своими проблемами, и Айна почему-то вдруг вспыхивает ко мне такой сильной любовью, что даже безвозмездно отдает своего верного раба. Ведь шейри для ведьмы – как раб. По слову хозяйки он сделает даже то, чего сам не хочет. Вон как я его припечатала сегодня: велела стоять, он и стоял, как оловянный солдатик. Разрешила сбежать – его будто ветром сдуло. Нехилая власть у ведьм над призванными бесенятами! Неудивительно, что Барсик так взвился, когда у него сменилась хозяйка. К тому же новая хозяйка знать не знала, какой он умный и замечательный. Да еще разбираться не стала – просто позвала, как какого-то паршивого кота, и утопала, весьма посредственно попрощавшись с тетушкой Айной.

А ведьма знала, что умирает… и ни словечком мне не обмолвилась об этом. Просто сделала, как решила, и даже не намекнула, что после моего ухода покорно ляжет на кровать и тихо умрет. Она отдала мне все, что имела, выгребла на свет все свои запасы, потому что ей они, как я теперь понимаю, уже ни к чему. Попрощалась, обняла напоследок, не рискнув тревожить своими печалями, а я… я теперь ужасно сожалею, что не успела попрощаться с ней как положено. Думала, вернусь. Думала, посидим мы еще на завалинке. Думала, уж тогда-то я с ней по душам поговорю, а не на бегу, как получилось…

Сойдя с Тракта и бросив на первой попавшейся прогалине свой мешок, я медленно опустилась на поваленное бревно и застыла, испытывая острое сожаление от несделанного. Заметила ведь, как она на меня смотрела. Видела же: ее что-то тревожит. Но решила, что это подождет. Позволила вытолкать себя вон, не спрашивая о причинах. В конце концов, эары лицезрели бы мою хмурую физиономию днем позже. А вот Айна… старая тетушка Айна, сделавшая для меня так неожиданно много… она больше ждать не могла.

Я прикрыла глаза, а потом, оттуда-то зная, что меня услышат, тихо позвала:

– Барсик?

Соседние кусты слабо шевельнулись.

– Барсик, я знаю, что ты рядом.

Потревоженные ветки испуганно замерли, но мне даже оборачиваться было не нужно, чтобы это увидеть: никуда он теперь от меня не денется. Заклятие не позволит. А значит, близко он. Как и вчера, очень близко.

– Подойди… пожалуйста, – еще тише попросила я, по-прежнему не зная, что сейчас буду делать. – Я прошу тебя, шейри: подойди.

Не знаю, что уж тут сыграло большую роль – моя просьба или напутствие Айны, но Барсик действительно вскоре вышел на свет. Весь взъерошенный, покрытый пылью. Почему-то мокрый с хвоста, будто ненароком оступился и искупался в какой-то грязной канаве. Однако глаза у него горели еще ярче, чем утром, а поселившаяся в них злоба за этот день переросла в самую настоящую ненависть.

Я сидела и смотрела на всклокоченного кота, совершенно не представляя, что с ним делать. Он злился на меня… нет, он меня искренне ненавидел. Возможно, за мое дрянное поведение с утра. За то, что не пожелала понять его и услышать. За то, что его отдали мне как бессловесного раба. Тогда как он был живым. Разумным. И, наверное… очень несчастным.

– Прости, – уронила я, неотрывно глядя на взбешенного шейри. – Прости меня. Пожалуйста. Я не хотела, чтобы так получилось.

Барсик удивленно замер.

– Честное слово, прости… и, если хочешь, давай попробуем начать все сначала?

Шейри странно шевельнул хвостом.

Какое-то время я, затаив дыхание, ждала ответа, потому что совсем не хотела, чтобы он меня ненавидел. Но Барсик молчал. Только смотрел все так же пристально, словно бы изучая и что-то решая для себя.

– Барсик? – не выдержала я первая сгустившегося молчания.

Он недовольно фыркнул и наконец сердито проворчал:

– Мне не нравится это имя. Оно звучит глупо.

– Хорошо. Тогда придумай себе другое.

– Кто?! Я?! – Вот теперь он по-настоящему изумился, но я лишь пожала плечами.

– Конечно. Если это тебе не нравится, выбери то, что по душе.

Шейри от неожиданности икнул и резко сел, округлив глаза и неверяще уставившись на мое виноватое лицо. Кажется, не ждал от меня такой покладистости. Но мне действительно нужно было его понимание.
И действительно была нужна его помощь.

– Ты… разрешаешь мне?!

Я слабо улыбнулась, искренне радуясь, что хоть какого-то эффекта добилась.

– Конечно. Как я могу тебе запретить?

– Но ты же… хозяйка?!

– Ну и что.

– А я ведь… – Шейри вдруг странно прищурился и наклонил голову. – Ты хочешь сказать, что позволяешь мне выбрать себе имя? Самому?

– Именно, – кивнула я. – Раз его у тебя нет, значит, надо придумать. А поскольку мой вариант тебя не устраивает, то придумывай тогда сам.

– И ты с ним согласишься?

– Да.

– С любым?

Я только вздохнула.

– Да, Бар… да. Соглашусь с любым. Хоть Люцифером назовись, хоть Бальтазаром, хоть Мурзиком… мне все равно.

Кот смерил меня подозрительным взглядом.

– А тебе это зачем?

– Хочу знать, как к тебе обращаться. Ты ведь все равно со мной пойдешь?

Он тут же насупился.

– Мне некуда от тебя деться.

– Да и мне, похоже, от тебя не избавиться. Но я не хочу, чтобы ты ненавидел меня только за то, что чье-то решение заставляет тебя быть рядом. Я не люблю принуждения, понимаешь? И если ты этого не хочешь, то мне проще тебя отпустить, чем каждый день понимать, что ты скорее удавишься, чем поможешь.

– Да не могу я удавиться, – тоскливо прошептал кот, понурив голову. – Я даже шагу без твоего приказа ступить не могу. И уйти от тебя тоже не в силах: заклятие держит не хуже цепей! Понимаешь?

Я оторопела.

– Что значит… не можешь? Ты что, должен и мне теперь подчиняться?!

– Должен, – горестно кивнул шейри, а потом поднял переднюю лапу и сунул мне под нос. – Вот так, дура ты набитая. Смотри, что ты натворила.

Я в ужасе отпрянула: у него лапы оказались стерты до живого мяса! Вместо жестких подушечек там остались только лохмотья содранных мышц! Они до сих пор сочились кровью. Причем так, словно он всю дорогу по гвоздям бежал, а не по обычному лесу!

– Господи… откуда это?! Ты где так поранился?!

– По лесу шел… как ты приказала.

– Я?! – У меня похолодело в груди. – Когда это я?..

И вот тут до меня дошло: «шел бы ты лесом»… ой, мамочка! Да что ж это такое-то?! Он что, должен выполнять каждый мой приказ БУКВАЛЬНО?! Велела идти лесом, он и пошел по буреломам и корягам напрямик?! Не огибая, потому что приказ этого не предусматривал, не перепрыгивая, не уклоняясь от встречных веток? Просто потому, что было сказано: «иди» и «вали отсюда»?! Ой-ой-ой! Да что же я натворила?!

Не задумавшись о том, что делаю, я подхватила беднягу на руки и прижала к себе, с ужасом представляя, на что обрекла его, всего лишь выругавшись в сердцах. Боже, да у него там, наверное, все огнем горит! Как же он шел-то за мной?! Как не упал?! Впрочем, упал… и, наверное, не один раз – вон как шерсть спуталась. Вон какие репьи застряли на пузе. Вон, сколько грязи собрал на хвосте. Как еще не утоп-то в той луже? Или это болото было? А если бы я пожелала ему сдохнуть тем же утром? А если бы ежика пожелала родить против шерсти?! Ох, да за что ж мне такое наказание? И за что ж ему,

демоненку, такая глупая хозяйка?!

Мне стало мучительно стыдно.

Дура… вот уж прав шейри: я – самая настоящая дура! Он же мне сразу про хозяйку сказал… и про Айну, и про то, что я теперь для него – тоже… ужас какой!

– Прости, – с невыразимым раскаянием прошептала я. – Прости меня, пожалуйста. Я не знала, что это так жутко. Не знала, что ты должен теперь делать все, что я брякну по глупости… Айна мне ничего не сказала, и я не знала… прости меня, маленький. Прости…

Я прижалась щекой к спутанной шерсти и погладила несчастного кота.

– Больно, да?

– Больно, – странно притих шейри.

– Прости, пожалуйста. Я – действительно полная дура. Могла бы догадаться и язык за зубами держать!

Он настороженно покосился, однако на свободу не рвался. Да и куда ему на свободу с такими-то лапами? Там же места живого не осталось! И все из-за меня!

Я виновато шмыгнула носом.

– Давай погляжу. Вдруг что-то можно сделать?

– Вообще-то… у тебя есть кое-что, что могло бы помочь.

– Где?! – Я вскинулась так резко, что едва не выронила шейри из рук.

Кот странно посмотрел и кивнул на мешок.

– Айна собрала в дорогу. Ей-то она уже без надобности, а мне, может, сгодится.

Перехватив его одной рукой, я поспешно дернула завязки мешка и распустила горловину, пытаясь нашарить внутри что-нибудь, чего не заметила раньше. Правда, быстро поняла, что буду возиться до второго пришествия и, устав бороться с мягким содержимым, просто вывалила барахло прямо на траву.

Кот наблюдал за мной с искренним интересом.

Я торопливо поворошила одежку, стыдливо запрятала под куртку выделенные Айной женские панталоны… срам какой – носить это жуткое белье в двадцать первом веке… надо выкинуть, пока меня на застыдили… отбросила подальше вторую рубаху, вытащила котелок, который поутру насилу отскребла; всякую мелочь нетерпеливо отпихнула ногой. Мыло в глиняном горшочке осторожно перенесла подальше, чтобы не разбить. И лишь тогда наконец отыскала среди вещей полупрозрачный – неужели стеклянный?! – флакон, которого прежде не видела. И который туда точно не укладывала.

Внутри оказалась до половины налита жидкость – густая, тягучая и маслянистая, насыщенного синего цвета, слегка опалесцирующая на свету. Но мне понадобилось совсем немного времени, чтобы правильно опознать находку.

– Кровь эара!

Шейри непонятно скривился.

– Но как?! – ошарашенно повернулась я. – Как Айна смогла ее получить?! Кровь же впиталась!

– Есть способы, – уклончиво ответил кот, ненавязчиво махнув израненной лапкой перед моим носом, после чего я спохватилась и тут же опомнилась.

– Сейчас. Погоди. Я только не знаю, что с ней надо делать: то ли пить, то ли мазать.

Он снисходительно фыркнул.

– Вообще-то сперва ее следует развести, но это, хвала Айду, Айна сделала сама. От тебя требуется лишь воспользоваться. В моем случае – просто капнуть на раны. А глотать ее мне пока рано: в больших дозах кровь эара даже мертвого на ноги поднимет.

Я тут же откупорила пузырек с изрядно тугой пробкой и с радостью обнаружила на внутренней стороне затычки небольшой выступ. Я обмакнула его в жидкость и осторожно капнула по две синих капельки на каждую лапу, которые кот с готовностью подставлял.

Признаться, в чудеса я никогда не верила. Хотелось, конечно, но как-то так сложилось, что возможности не было убедиться в том, что они действительно существуют. И даже попав сюда, я как-то не до конца сознавала, что этот необычный мир полон магии и удивительных открытий. Однако сегодня, с изумлением следя за тем, как на лапах шейри образуется новая кожа, а недавние раны стремительно исчезают, я неожиданно поняла: этот мир действительно необычен. И в нем действительно существует нечто такое, во что я, к своим двадцати пяти годам, почти перестала верить.

– Магия… – зачарованно прошептала я, следя за тем, как быстро поправляется кот.

– Магия, – довольно мурлыкнул шейри, по очереди оглядывая совершенно невредимые конечности. – Кто бы мог подумать… сработало! Хотя я всегда считал, что на меня не подействует.

– Почему? – удивилась было я, но тут же вспомнила, КОГО именно держу на руках, и спохватилась: – Елки-палки… и правда! На тебя же вроде магия не действует! Выходит, не вся?

– Выходит, – задумчиво согласился кот и легко спрыгнул на землю, после чего прошелся для верности взад-вперед, подпрыгнул на пробу, потом расплылся в совершенно довольной улыбке и, усевшись напротив, выжидательно на меня уставился.

– Что? – отчего-то забеспокоилась я, осторожно закупоривая драгоценный пузырек.

– Береги ее. Кровь, я имею в виду. Не вздумай продавать или менять на краюху хлеба.

– Да я и не собиралась.

– Она цены не имеет, – очень серьезно сказал шейри, следя за тем, как я бережно убираю драгоценный сосуд обратно в мешок. – За один этот пузырек тебе отсыплют столько ларов, золотом естественно, сколько сможет поместиться в твою котомку.

Я замерла, машинально подсчитывая цену, и тихо присвистнула.

Ничего себе! Айна говорила, что простые крестьяне оперируют деньгами уровнем не выше лата. Причем, как правило, серебряного – золотые латы можно было встретить лишь у зажиточных старост или неплохо зарабатывающих на своем деле деревенских кузнецов. На один медный лат можно было купить краюху хлеба… не самого лучшего, правда, но все равно. На десяток медяков – вполне пристойно пообедать в захудалой харчевне где-нибудь на границе Валлиона. Простенькое платье без вышивки бедная девушка могла приобрести в соседнем городе всего за пять-восемь латов, а если речь шла о каком-нибудь особом случае типа свадьбы или помолвки, то счет уже шел к серебряному. Реже – к одному или двум, в том случае, если она – дочка деревенского старосты. В отношении оружия дело было гораздо сложнее. Для небогатых крестьян простенький нож можно было сторговать в пределах одного серебряного лата. Если же речь шла о воине, то за приличный кинжал ему пришлось бы раскошелиться на целую лиру или даже три. Разумеется, серебряную, если, конечно, у воина имелось чувство собственного достоинства. Для знати ножи особым образом украшались и стоили, конечно, на порядок дороже. А очень хорошие ножи, которые даже из отменных вояк далеко не каждый мог себе позволить, доходили до десятка золотых ларов. Мечи, соответственно, стоили еще больше, а уж кони – товар штучный и невероятно дорогой – порой обходились своим владельцам в полсотни ларов. Так что, переводя озвученную котом сумму, можно было с уверенностью сказать, что после продажи пузырька я могла в одночасье превратиться в крайне состоятельную особу, потому что сотен пять-семь в мой мешочек – я снова прикинула размеры – наверняка бы вошло. А на эти средства можно безбедно жить где-нибудь в провинции не один год.

Правда, их надо приберечь на самый крайний случай, потому что ценность того подарка, который сделала мне умирающая ведьма, была сопоставима с неожиданно полученным наследством от скончавшегося в какой-нибудь Америке дядюшки-миллионера.

– Не вздумай, – строго повторил шейри, пристально глядя мне в глаза.

Я успокаивающе улыбнулась.

– Не волнуйся, я не собираюсь менять сокровище на возможность пару раз поспать на нормальной постели. Продавать не стану и трезвонить о крови на каждом углу – тоже; полагаю, воров в Валлионе предостаточно, а уж любителей поживиться за чужой счет – не меньше, чем у меня на родине. И даже если я благополучно ее продам, то слухи разлетятся по округе с такой скоростью, что меня с моими доходами довольно быстро и крайне неделикатно прикопают под каким-нибудь кустом.

Кот хмыкнул.

– Правильно понимаешь. Не ожидал.

– У нас тоже хватает бандитов, – заверила я его. – И сериалов про ментов, и всяких передач про тайны следствия… так что знаю, чем заканчиваются счастливые истории о внезапно разбогатевших дурочках. Уму-разуму меня на этот счет учить не надо.

– А на другой счет? – хитро прищурился шейри.

– Ну, попробуй, – также хитро улыбнулась я.

Кот на мгновение задумался, а потом резко посерьезнел.

– Зачем ты потратила на меня кровь?

– Как зачем?! – изумилась я. – Тебе нужна была помощь!

– Ты не поняла. Я спросил: зачем ты потратила целых четыре капли сокровища, стоимость которого в десятки раз превышает в глазах местных бандюков цену твоей собственной жизни, лишь на то, чтобы избавить меня от неудобства?

– Мне что, надо было оставить тебя мучиться?

– Кое-кто так и делал.

– Мне все равно, кто и как раньше делал, – нахмурилась я, а потом четко, по слогам, добавила, чтобы шейри успел зарубить себе это на носу: – Но подлянки я творить не приучена. И не приучена оставлять без помощи существо, которое к тому же пострадало по моей вине. Ты понял?

Кот странно приподнял брови.

– Хочешь сказать, ты сделала это только потому, что почувствовала себя виноватой?

– Нет. Я сделала это потому, что так было правильно. Раз уж ты от меня зависишь, хотя никто из нас этого не хотел… раз у меня была возможность тебе помочь, то я поступила так, как поступила бы с любым человеком, оказавшимся на твоем месте. Тем более что я все-таки надеюсь… Надеюсь, ты меня простишь и больше не станешь обливать презрением. Это, знаешь ли, довольно неприятно.

Шейри странно кашлянул.

– Что? – заподозрила я неладное. – Ты все еще злишься?

– Нет. Просто не понимаю: ты могла бы ничего не делать…

– Хватит, а? – устало посмотрела я. – Знаю, что ты мне не доверяешь, но знаешь, я не привыкла, чтоб кто-то от меня зависел. Для меня это ненормально, понимаешь?.. неправильно… нечестно, в конце концов. Если бы я могла, я бы тебя отпустила…

Он тихо вздохнул.

– Не выйдет. Я не могу далеко от тебя уйти: время от времени я должен забирать у тебя немного дейри, чтобы жить. А это возможно только с полноценной хозяйкой…

– Вот зачем ты пришел ночью!

– Да, – грустно кивнул шейри. – Это плата. Такая же плата для ведьмы за мои способности, как и та, которую плачу я, подчиняясь ей во всех ее желаниях. По-другому не бывает: все шейри, оказавшиеся здесь, кому-то подчиняются. Таковы законы природы.

– Зачем же вы тогда соглашаетесь сюда приходить?!

– А ты была когда-нибудь в Тени? Существовала когда-нибудь в виде бесформенного нечто, которое испытывает лишь одно чувство – глухую тоску? И острое сожаление по миру, в который больше никогда не вернется? Ты слышала хоть раз, как стонут в тишине вечно умирающие Тени? Видела, как рушатся черные звезды и прилетевший от них ветер рвет непрочные полотна чьих-то ненастоящих тел, чтобы затем унести их прочь? Из Пустоты не бывает выхода, хозяйка. Оттуда невозможно выбраться. Если ты умер и тебя не забрал к себе ни Аллар, ни Айд, твоя душа навечно останется в этом сером мареве. До тех пор, пока кто-нибудь ее не позовет. И вот тогда ты вдруг слышишь голос своего прежнего мира, тогда ты снова чувствуешь, как пахнет трава поутру, снова начинаешь видеть солнце. И именно тогда вспоминаешь, что тоже когда-то был живым.

Кот поднял голову и тоскливо на меня посмотрел.

– Когда приходит это понимание и ты ощущаешь разницу между светом настоящей жизни и собственным жалким существованием, удержаться практически невозможно. Любой из нас согласится на что угодно, чтобы хоть один раз коснуться настоящего. В тот момент не думаешь ни о чем – желание выбраться слишком сильно. И лишь когда Договор заключен, а твоя душа навеки остается в искусственно созданном теле…

Я отвела глаза.

– Ты жалеешь, что согласился?

– Нет, – так же грустно ответил шейри. – Несмотря ни на что, я бы не хотел вернуться в Тень. Что угодно, только не туда. По этой же причине нам нельзя наносить вред хозяевам: после их смерти Тень заберет нас снова. На этот раз – насовсем. Поэтому – нет, я бы не хотел туда возвращаться. А если я о чем и жалею, то лишь о том, что, сколько бы ни прожил, все равно той жизни, которой нас сюда заманивали, так и не увижу.

Почти не колеблясь, я протянула руки и осторожно взяла его снова, прижав к себе, как маленького ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Медуза» (сленг) – вытяжной парашют.

2

Эр-дасса – дворянский титул.

Купить: https://tellnovel.com/ru/lisina_aleksandra/igrok

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить